

Ураак
Дак

Вича

Исаак Дан

Весна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25904060

Аннотация

Конец восьмидесятых годов двадцатого века, Москва. Аня, студентка, проводит дни и ночи в тоске. И кажется другим недотрогой и странной. Случайно, нелепо она знакомится с человеком, который ее саму пугает своей странностью и отчуждением от всех людей. Она гадает, кто он, медиум, маг, обладающий невероятными способностями, или – обманувший ее пылкое воображение сумасшедший. Эта книга о ночном городе. Об одиночестве. О том, что Дар и Проклятие порой одно и то же. И еще, конечно, она о любви, хотя это слово, любовь, герои почти никогда не произносят.

Исаак Дан

В Е С Н А

Повесть

Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтоб ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, – весна была весною даже и в городе.

Лев Толстой. “Воскресение”.

Не буди воспоминаний. Не волнуй меня.

Мне отраден мрак полночный. Страшен светоч дня.

Константин Бальмонт.

Блик ламп. Их слабое зудение. Холод.

Дверь за ними захлопнулась. Случайно ли, нарочно Олег отпустил её, оставил их двоих на пороге.

Леночка оглянулась на дверь. Недоумённо. Кокетливо, хотя никто, кроме Ани не мог её видеть. Будет звонить, возвращаться? Но – махнула рукой. Двинулась к лифтам. Подмигнув ей, улыбкой маня за собой. С облегчением Аня пошла за ней следом.

Скорее бы кончилось всё.

Она не сказала, подумала так. Сказала совсем другое. Слова вырвались у неё на ходу. Едва ли не первые слова в эту ночь. Какие? Они потом ушли бесследно из Аниной памяти. А тогда – лишь умчались в гулкую пустоту коридора. И растаяли. Медленно. Неумолимо. Безвозвратно. Навсегда растворившись меж стен.

Это озадачило Аню, показалось ей странным. Впрочем, она удивилась лишь смутно. Ведь всё заполонили звуки их шагов. Хотя Анин каблук был гораздо ниже, чем у Леночки, она тоже цокала вслед за ней. Вдогонку. Как эхо. По кафелю испуганно метались бледные худосочные тени, порождённые холодным свечением трескучих ламп, мельтешили под их ногами, как незадачливые, нисколько не страшные приключения.

Но – Аня и Леночка остановились, нужно было ждать Олега. Он почему-то никак не мог расстаться со своими приятелями.

И это повторилось. Отзвук шагов, как Анины слова, повис в воздухе. Едва дотянулся до серых стен. Осунулся. Сник. И сгинул, открыв дорогу Безмолвию.

И оно поднялось, огромное, необъятное, всевластное и накрыло весь дом, отсюда с последнего этажа и до самой Земли. Его не могли пересилить треск ламп и слабые шорохи. В нём тонули все звуки и звучания. Но гремели и на разные лады распевали свои трели прежде неведомые Ане без-

звучия и немые, как уста рыб, голоса. Это было изумительно – слышать, как звенит и плещется Тишина. Аня почувствовала внезапный восторг. И поняла – тяжесть, что, как всегда некстати сдавила ей горло и изводила много часов, так же мгновенно оставила её.

А Леночка уже порывалась заговорить с ней. Щёлкала зажигалкой, стараясь поджечь кончик ментоловой сигареты. Она то курила, то снова бросала, в зависимости от того, кто был с ней. В Ане поднялось возмущение. Безмолвие стремительно ускользало от неё. Скрежет зажигалки оскорблял Безмолвие. Первые же слова должны были его разрушить. И заставить Аню признать, здесь ничего такого не было – секунду назад, – ей всего лишь – почудилось.

И в отчаянии она заговорила первой.

Безмолвие дрогнуло. И поглотило дерзость Аниных слов. А затем – воцарилось вновь. Никуда не убегая от Ани.

Это было, как игра в мяч. Аня бросала в воздух слова. Они таяли, едва касаясь гулких стен. И Безмолвие возвращалось. Длилось, как бесконечный вдох.

Аня смеялась бессмысленно звонко, играя с Безмолвием в мяч. И бросала в воздух слова. Леночка, захваченная Аниным порывом, ей вторила – и странным образом отразилось её умение вторить всегда и всем – она попадала в такт. Разговор их сам по себе ничего не значил, важно было лишь то, как он звучал в Тишине, и Леночка ни разу не сбилась, строго ведя Анину мелодию. Она улыбалась, её заводил Анин

смех, но в голубых, широко открытых глазах жило – Недоумение.

Которое безумно раздражало Аню. Да, только что она была иной. Там. Весь вечер и ночь. Сторонилась, дичилась всех. Избегала парней, добивавшихся её внимания, и радовалась, когда они потеряли к ней интерес. Не находила ни слов, ни движений. Не могла насладиться ни звуком любимых мелодий, которые ставили именно для неё, ни терпким вкусом вина, которое принесли для неё специально.

Леночке нельзя было объяснить, что такое, когда тоска удавкой сдавливает горло. Ей было неизвестно, как хорошо, когда – внезапно! – тоска отпускает, и дышишь привольно, легко. Она не слышала Безмолвие. Была бы крайне удивлена, узнав от Ани – Безмолвие царит здесь. Сказала бы – да, конечно, здесь очень тихо. Ведь сейчас ночь. Наверно, уже больше, чем три часа.

Аня отвернулась, оборвала разговор. Огляделась вокруг. Безмолвие скользило вдоль низвергнутых, стремительно уносящихся вниз лестниц. Возносилось под своды шершавых стен. Кралось в коридоры и подслушивало у дверей квартир. Насмешливо внимало дыханию спящих. Огромный дом был живым существом, трепетно и гордо хранил в себе Немоту. Хранил, как соль сокровенных слёз. В какой-то момент показалось даже, что серый небоскрёб и впрямь шевельнулся, ожил, и тихонько, едва качает её на своей вершине. Наверное, просто показалось.

А, может, она ощутила Западный ветер.

Снаружи, где лютовал мороз, ветер был зол и колюч, а на такой высоте он становился неистов. На Восток. Ветер летел на Восток. Как всегда, как десятки, кто знает, может и сотни лет назад, над этой землей, в эту пору. Ветер летел на Восток. Некогда – через сизый простор, лишь внизу под ним шелестел ветвями пружинящий лес. Некогда здесь, в вышине, безграничный в своем порыве. До тех пор пока сюда не добрался город. Город фонарей, город машин, город прямоугольных тупоголовых зданий. Корпусами разрезавших Ветер.

Прежде не знавший преград, он распадался на тысячи струй, обходящих бетонные стены. Разбивал свою мощь о дома. Стучал. В их фас и в их профиль, обращённые к Западу. Обладая он душой, можно было бы сказать, что в ярости, возбуждённый огромной и круглоликой Луной, он охвачен желаньем смести, сокрушить. Унести на Восток.

Но серые глыбы легко могли выдержать ветер. И в ответ – лишь слегка колебались. У самых вершин. Так, что никто из людей, даже из живших на самом верху, не замечал их движенья.

И Аня ничего не знала о Западном Ветре. Лишь его вой за окнами, с каждым часом нараставший в этот бездарный вечер, недавно сильней нагонял на неё тоску.

Но теперь она забыла обо всём. О шумном празднестве чужих самодовольных людей, на которое её занесло, о неве-

домом прежде звучании Тишины, о покорно смолкшей рядом Леночке, о холодной и зябкой дороге, что ждала впереди, о мучительном утре. Уйдя в свои грёзы, столь сладкие, столь потаённые, что не были до конца ведомы ей самой.

Но тут ворвались какие-то выкрики, звуки музыки, хлопки по плечу и – всё стихло. Это вышел Олег. Аня и Леночка повернулись к нему. Аня запоздало обратилась к Безмолвию. Но напрасно. Оно навсегда исчезло.

Олег шёл и шаркал, и стучал каблуками так грубо. Отвратительно чиркал. Прикуривая, шумно вдыхал. Так, что на нём трескотала одежда, ударил по кнопке.

И внизу закричал, заворочался лифт. Всё. Олег был недоволен, молчал. Настороженно молчала Леночка. Что оставалось Ане?

Слушая их сопение, молчать им в такт. Молча идти домой. Кутаясь, ёжась, торопясь убежать от мороза. Молча раздеваться в темноте. Молча ложиться в постель, молча закрыть глаза.

Не было и не могло быть никакой Тишины, никакого Безмолвия. По холодной многоэтажке тоскливо полз лифт, возвещающая о своём приближении унылыми стонами. Как бы ни было это смешно, Ане многое бы отдала, чтобы хоть ненадолго задержать его. Ей хотелось кричать, рыдать, стучать кулаками в стены и требовать, чтоб Безмолвие вернулось. Она понимала, конечно, понимала, что это глупо.

Скрип был чуть слышен, но Аня вздрогнула. Дверь, по

соседству с той, из которой они недавно вышли, приотворилась.

Её приоткрыл один из самых сильных порывов Западного Ветра. Гнев его достиг пика, но мощь, буквально следом, начала таять.

Олег встрепенулся от Аниного движения и посмотрел туда. Злобно напрягся – внезапный Анин импульс вновь заставил его среагировать сильнее, чем он находил нужным. Ослабился:

– Хочешь ограбить?

– Хочу посмотреть, – Аня толкнулась от его омерзительных слов и с презрением направилась в коридор. Лифт дополз и недовольно распахнулся. Зачем Аня шла?

– Поехали, слушай, поехали. Хватит уже валять дурака.

Шла назло ему, вот почему. Знала, этих минут не вернуть.

– Давай, поехали. Я не буду тебя ждать.

– Ань, ты что? Ты чего там забыла? – это вступила Леночка, соло второго голоса. Аня была на пороге, на них не смотрела. Лезть в чужую квартиру ночью ей не было интересно. Возвращаться, как побитой собаке, – что ещё оставалось?

Дверцы кабинки хотели закрыться, хлестким ударом Олег помешал им.

– Брось. Не поедешь – попрёшься домой одна. – И добавил с издёвкой, – Ну, что ты хочешь?

“Гадина”, – подумала Аня, распахнула дверь и вошла.

И очутилась в тёмной прихожей. Её порыв разом иссяк,

на миг она задержалась, не зная, что теперь делать, но, как по какой-то инерции, двинулась дальше, в комнату, где еле тлел чуть живой сиреневый свет. Что можно было придумать нелепей? Наоборот, сразу выскользнуть отсюда, пока её никто не заметил – всё, что ещё можно было сделать разумного. Что сказать потом Леночке и Олегу? Не имело значения, она могла влипнуть в историю куда глупей. Эти мысли и тревожили Аню, и были где-то далеко от неё. Было как-то не по себе и в то же время – всё безразлично. Как будто это был сон.

Неужели это и правда не сон? Трудно было поверить здесь, в комнате.

Странной. Почти пустой. Низкая, будто со спиленными ножками тахта и книжные полки. Умиравший диод ночника. Диковинные цветы, стоящие и висющие вдоль стены, в этом свете – или в этой темноте – почти фиолетовые. Сливающиеся, как одно живое существо, которое почти не слышно, но угрожающе что-то шептало Ане, тянулось к ней.

Аня вздрогнула, силясь прогнать наваждение. Это было мгновение, меньше, чем секунда, ей чудилось, что не понимает, где она, не понимает, что с ней, она была полна странных ощущений, вроде того, что видит своё отражение в зеркале вниз головой. И сейчас оставалось неясным, как здесь всё устроено, где окна, где дверь, одна это комната или несколько, насколько она велика. Конечно, это была ерунда, она только что вошла сюда, дверь могла быть только за спи-

ной. Она влезла ночью в чужой дом – ну зачем же?! – и скорей должна была выбраться наружу.

Но её словно кто-то сковал, не давал осмотреться, расправить плечи. Кажется, она нашарила глазами угол, с трудом попыталась взглянуть в сторону от него.

Вот окно. Занавешено наглухо. Но на нём бледный отпечаток Луны. Повернуться к двери.

Крик задохнулся у Ани в груди. Кожу на спине стянула тугая сеть, руки стали, как лёд. В кресле под шторами, в сумраке, скрестив ноги в лотосе, сидел человек. Или не-человек.

Он был недвижим, может, чуть покачивалось тело, на безжизненном, восковом лице фосфорился сиреневый отсвет. А из-под полуоткрытых век – не глаза, лишь багровые пятна. Аня зажмурилась. Ни за что не смотреть ещё раз. Бежать!

Но – он вдыхал. Тяжко. Свистя через нос. Его глаза возвращались из-под надбровий, чтобы коснуться Ани. Прочь! Аня отвернулась, увидела дверь. В черноте прихожей было огромное белое пятно. Оно напряглось, зарычало в ответ на слабый Анин порыв сдвинуться с места. Аня не испугалась, нет, вопреки всему ей стало легче. Да, собака была громадной, отчего-то напомнила ей волка, да, Аня вполне сознавала, собака не даёт убежать, но её – не боялась. Она и подумать не смела – оглянуться назад.

Чувствовала, как пот течёт по ногам и спине. И думала, сейчас уже сюда войдёт Олег. Как-нибудь, но это же кончит-

ся.

Тихий свист или шёпот. И пёс отходил, уступал ей дорогу. Аня решилась на взгляд. Это была боль больших, будто-бы совсем чёрных, но усталых, измученных глаз. Аня бросилась вон.

В коридоре чуть не столкнулась с Леночкой. Мимо неё, без слов, устремилась к лифту. Ворвалась в него, оттолкнув Олега, всё ещё державшего дверцы. Они, оба, вползли за ней. Медленно, как стопудовые черепахи. Но за Аней никто не бежал.

– Ну, как там? Понравилось?

– Что с тобой, Анька? Ты что?

– Поехали, ради Бога, поехали.

Олег двинул кнопку, и они стали падать вниз.

– Ты что, Аня?

– Что там стряслось?

Аня хотела сдержаться. Но не смогла, судорожно отвернулась к стене. Так хотя бы они не видели – она плачет.

Лифт спускался безжалостно долго. Словно соревнуясь с печальными, горькими каплями, что медленно катились по её щекам. Отчего? Отчего?

Всю дорогу домой Аня не вымолвила ни слова, если не считать короткого прощания. Леночка и Олег перекинулись одной-двумя фразами. Ветер иссяк и смирился. Утих. Пал мягкий, бархатный снег. Сверкающий, как мириады белых бабочек, в треугольниках света под склонёнными лица-

ми фонарей. Серебрящийся, как поля рассыпанных искр, на земле, под вознесённым ликом Луны. Аня старалась ни о чём не думать. С ужасом представляла, как проведёт остаток ночи. Но, к удивлению, она уснула сразу, едва легла, и сон её был долгим и крепким.

Ранним утром, ещё до зари, Спирит выпустил Джека. Джек летел. Вниз, сквозь все этажи. Когтями стуча по ступенькам. Швыряя прочь двери движением лап. Все до последней.

Резал грудью воздух пустынных улиц. Всем сердцем стремясь к местам, которые несказанно любил. К блаженному островку, свободному от домов и машин, на самом краю Москвы. Но, хоронясь от людей, замирал. Не давая себя обнаружить. Во тьме так приметного – светлого.

Лишь однажды сверкнул на шоссе. За шоссе была Битца, Зюзинский лес. В небе – красной нитью восход. Истончалась Луна. Сумрак струился на снег.

Мягкий снег, нападавший ночью. Хрустел под ногами Джека. Взлетал у него из-под лап. Ласкал мохнатую грудь.

Мягкий, чистый, как Джек. По нему впереди уже красные, синие блёстки. Отсвет первых лучей.

Джек мчался навстречу заре. Вдали от тропинок, лыжней. Окружённый серебрястой фатой. Белый, на бегу ветер взвил

его серые космы и открыл белый мех. Взметённый, будто порывом ветра. Джек мчался. Чуть клонясь, огибая кусты. Взмывая, как пух, над канавами, пнями. Опускаясь на трепет пружинящих лап. То скрываясь в облаках из снежинок, то паря между ними.

Солнце всходило над мглой. Рыжела и корчилась мгла. Джек встречал так каждое утро. Знал дорогу один. Знал – бежать только вдали от людей. От собак, встречавших его сворным лаем. Он чувял, что был им чужим.

Джек был волком, сыном лайки и полярного белого волка. Он остался в живых из трёх братьев один. Двое умерли здесь же, в гиблой Москве. Их убили грязь пищи, миазм нечистот, теснота. Джек выжил. От отца унаследовал страсть к бесконечному бегу. По снегу, в ночи. Его Хозяин знал, Джек не сможет прожить без движенья. Так чувял и Джек. Он бежал так каждое утро. И каждое утро был счастлив.

Даже сегодня.

Джек не знал за собой вины.

Его Хозяин возвёл стену между собой и другими людьми, Джек был опорой этой стены. Стремления Хозяина требовали повседневного точного ритма, Джек никогда не смог бы их понять, но ритм этот был смыслом его существования. Он замечал любую промашку Спирита, долго и испуганно ворчал, углядев какую-нибудь мелочь. Тут же исправлял сам, если мог.

Вечером Хозяин не закрыл дверь на засов. Джек уловил

– так должно быть. Не брюзжал. Не прикоснулся к ручке засова, приделанной так, чтоб он мог брать её в пасть.

Ночью Полная Луна волновала большого белого пса, но он лежал на кухне, не шелохнувшись, ведая, эти часы священны. Его нос был чуток, уши трепетали в ответ на малейший шорох, он ощущал каждое дуновение Западного Ветра, струи которого проникали через приотворенную форточку и бежали ему по загривку.

Всякому, кроме неё, кто приблизился б к распахнувшейся двери, была уготована участь быть разорванным на куски. Когда она вошла, Джек даже не вздрогнул. Хозяин не закрыл дверь на засов, Джек видел, как он это сделал.

И лишь потом Джек почувствовал боль. Боль Того, кто был ему дороже всего на свете. Лапы были судорожно сведены, обратившись из мякоти в сталь, но сам он был полон смятением. Его резала боль, его колот стыд – он пустил в дом чужую. Она, конечно, была ему не противник – и без следа сдавленной ярости, всегда возбуждаемой приходом чужих, он вышел на кухню, ей давая уйти. Почуввав приказ, ещё до того, как он шелестом сорвался с губ.

Хозяин – так! – не закрыл дверь на засов, но не ждал. И потом не сидел в кресле часы, как должно быть, а вставал, тёр виски, обливался водой, смотрел за окно, на Луну. Джек скулил и лизал ему руки. Он чувствовал боль. Хозяин засов не закрыл, но не ждал. В этот час никогда он не ждал никого, беззащитный, доверенный Джеку. Джек ложился на брюхо,

хороня свою морду меж лап, и униженно полз. Пристально Хозяин смотрел на него. Из ладоней, плотно сжавших виски.

Но не видел вины. Джек чуял – не видит вины. И ничего не омрачало его счастья, когда солнце взошло. Пусть и окончательно разрушив любимую им ночь. Он уже повернул и, пригнув голову к шее, мчался назад, в свой дом.

Беги, белый пёс!

Аня проснулась днём. Лучи солнца не смогли целиком проникнуть сквозь ткань, шторы оказались не в силах до конца сдержат натиск света – комната была серой. Аня была одна, мама давно ушла. Лежала на спине. Смотрела в потолок. В голове бродили остатки снов, неясные мечтанья, полумысли. Тикали часы, на кухне то и дело гудел холодильник.

Аня закрыла глаза. Хотела повернуться, зарыться в подушку лицом. Ещё спать. Так поздно легла.

И вспомнила то, что случилось ночью.

Вздогнула.

Съёжилась. С напряжением открывала глаза. В любой момент её мог схватить страх.

В комнате царил серый свет. Тикали часы, гудел холодильник.

Пожалуй, ей не было страшно. Неприятно. Она вела себя

глупо.

Но, вставая, не могла сдержать дрожь. Страх был где-то рядом. Неуверенно двигалась. С опаской касалась штор. Замерла.

И впустила свет.

День тоже был сер. Не на много светлее. По заледенелым тротуарам шли одинокие прохожие, меж башен и пятиэтажек устало блуждал отзвук шагов. За домами глухо звучало шоссе.

Да было ли это, могло ли быть? Нелепость, недоразумение. Ожидание страха исчезло, лишь свербило внутри. Она вела себя глупо.

Зачем полезла туда? Как можно было поступать подобным образом? Неужели это и правда случилось с ней? Забыть, скорее забыть.

Воспоминание назойливо преследовало последующие дни. Как только она оставалась одна. Как только встречалась с Леночкой, и та, поднимая на неё прозрачно-голубые глаза, опять пыталась что-то выпытать – из-за чего она прицепилась к этому? Аня не рассказывала ей ничего. Да что, собственно, она могла рассказать?

Что квартира была странной? Если она почти ничего не видела в темноте. Что ей показалось, что как-то искривилось, распалось пространство, и она в небольшой комнате не заметила сидящего человека? Если всё мутилось в голове, была ночь, она и до этого не выспалась, и ни на кого не глядя,

потихоньку пила весь вечер. Зачем нужно было идти с ними, поддаться на уговоры Леночки, да ещё сидеть там допоздна, не решиться уйти одной, ведь было же тошно.

Теперь рассказывать, что парень занимался чем-то непонятным? Что собака была очень большой, показалась ей – не больше, не меньше – волком. Да и выбежала собака не сразу, Ане сперва почему-то мнилось, что квартира пуста. Да было ли это, Ане всё помнилось настолько смутно.

Зачем было думать об этом? Что он делал? Разве Ане было интересно? Она же видела, у него нормальные глаза, значит, остальное ей почудилось. Может у него бессонница, и он любит сидеть, поджав ноги. Да и какая – ей! – разница?

Забыть, забыть, забыть. Никогда больше не вести себя так глупо. Никогда больше не знать неясной тяжести тех мучительных слёз. Забыть. Аня отвечала Леночке грубо. Та, естественно, обиделась. С обидой говорила об этом своему прекрасному избраннику. Олег слушал с презрением, с тем наглым презрением, с которым он встречал всё, что говорила и делала Аня.

Да пусть бы они провалились вместе. Аня не хотела помнить и уже не помнила. Она, действительно, выкинула из головы это дурацкое происшествие, когда позвонил Макс.

Аня сняла трубку и услышала его голос. Голос Макса. А думала, наверно больше не услышит, Макс исчез, как обычно, ничего не объясняя.

И так же внезапно объявился. Тем же вечером они были

вместе у каких-то его бывших одноклассников, Аня сидела на коленях у Макса и пила вино из его бокала. Он купил, как она любила, красное. Макс.

Там болтали о чём-то всё время. Аня не смогла б сказать о чём. Забывалась и ничего не слушала. Лишь иногда и то – только Макса. Не то, что он говорил. Его голос.

Аня услышала этот голос однажды, когда впервые в жизни ей были противны все голоса на свете, тем более – мужские голоса. А этот голос был не похож на другие. В нём были мягкость и сила. На него можно было опереться, как на протянутую руку. Ей было непереносимо тяжело тогда, но она не могла плакать, что-то, коля, как иголками, стиснуло слёзы в самых уголках её век, и глаза были сухими до боли. Но голос произнёс первые слова, и – словно бы снял заклятье. Ничто не держало в ней слёз.

А он испугался так, так растерялся. И стал нежным, смешным.

Каким не был с ней больше никогда. Ни разу.

Конечно, он нравился ей и другим. Макс, в столе которого были неряшливо свалены медали по шахматам и дзюдо, первые грамоты математических олимпиад. Макс, точный, как часы, на слово которого полагались абсолютно. Макс, уклончивый, но не говорящий неправды, справедливый, но не ранящий правдой других. Макс-пересмешник, Петрушка, шут, ни к чему не относящийся серьёзно.

Как ни странно, он совсем не привлекал Аню в школе.

Они не были знакомы, он был на несколько лет старше, но был приметен, и на него заглядывались многие, Леночка даже. А Аню не привлекал. Лишь потом Аня поняла, у него открытое, светлое лицо, из тех лиц, о которых так трудно сказать, почему они нравятся ей.

Теперь Макс нравился ей, как никто другой. Порой Аню охватывала гордость за него.

Но разве могла она им гордиться? Разве могла сказать о нём – мой Макс?

Они виделись редко. Только, когда хотел он. Возможно, она была у него не одна. Изредка доходили и такие слухи.

Леночка поражалась Ане. Почему она это выносила?

Разумеется, было неприятно. Аня никогда бы не смирилась с таким. А, может, к удивлению других, смогла бы терпеть и не такое. Если б был какой-нибудь смысл. Если бы у них на самом деле что-то было.

И броня, закрывавшая Макса от всех, не вставала б пред Аней. И, хоть иногда, он опять становился б с ней нежным, смешным. И она действительно была бы нужна ему.

Аня хотела, чтоб было так. Не раз, как умела, пыталась этого достичь. Ничего не выходило. Никогда. С самого начала. Макс сразу говорил не о том, Макс торопился, Макс убегал. Его, видно, вполне всё устраивало. Опасался ли он покушений на свою свободу, или с Аней для него было так, мимоходом.

Как ни жаль. Аня хотела по-настоящему быть с ним ря-

дом.

Стоило ли продолжать встречаться с ним? До конца не угасла надежда. Что всё переменится, станет, как хочется. В свои редкие появления он был лекарством от скуки, ей мало с кем было хорошо. С ним, с мыслями о нём создавалась иллюзия, что она не одна. Им, как щитом, можно было отгораживаться от других, чрезмерно назойливых. Или причина была грубее, ей просто не хватало мужчины, нужно было с кем-то спать, спать даже чаще, чем случалось с Максом, но близость с ним, по крайней мере, не претила Ане.

А может, дело было в том, что он пропадал надолго и звонил каждый раз неожиданно, и от растерянности Аня не успевала сказать ему – нет. Или “нет” – означало провести вечер с мамой, у телевизора. Трескучее звучание которого не позволяло читать.

Так или иначе, Аня всегда говорила да. Леночка называла её бесхарактерной. Вероятно, отказы могли что-то изменить. Аня не умела вести игру. “Нет” – для неё означало нет. Навсегда. Она говорила да.

“Да”, – сказала она вновь, когда их оставили в комнате одних, и первой стянула кофту. Да, да, да, ещё, ещё – повторяла она потом, извиваясь под ним всем телом, полуодетая, на неуклюжем диване. Да. Ничего не требуя взамен.

Макс был тронут. Аня заметила сквозь какой-то дурман, отрешённо. Она была расслаблена и слегка пьяна. Он предложил уйти, она поёжилась при мысли о холоде, но согласи-

лась. Не хотелось видеть кого-то ещё. Они едва попрощались с двумя парочками, которые упивались собой по соседству, за стенами.

Несмотря на мороз, её вечно озябшие пальцы горели. Аня шла, слушала его голос. Такой тёплый сегодня.

Потом, вдруг, он умолк. Какие-то мысли захватили его. По-прежнему под руку, они брели меж домов, никуда, под ногами у них хрустел снег. Хмель ушёл, Анина голова была удивительно ясной.

Макс и совсем позабыл о ней. Проверая, Аня притормозила, высвободила свою руку. Не заметив, он оторвался, затем всё-таки остановился, полуобернувшись назад, к ней. Всё ещё погружённый в себя.

Она не злилась, нет.

Его шарф съехал вниз, и шея выросла из-под шарфа. Он смешно, как мальчонка, сложил свои губы. Взгляд его затуманился, где-то блуждал.

У Ани мелькнула... Надежда? Сомненье? Мечта? Сейчас. Его брони больше нет. Нет для неё. Как-то сказать ему – отомкнись, я ничего у тебя не прошу, ничем не хочу связать, но пусть всё будет по-настоящему, ведь я не игрушка.

Разве это было возможно? Разве хотя бы однажды она успевала что-то ему объяснить до того, как он пугался и поспешно принимался заговаривать ей зубы?

А время тянулось. Он молчал. Молчал необъяснимо долго.

Надо было попробовать. Сделать попытку Она же хотела всё изменить? Мечтала об этом. И, как будто, его брони больше не было. Ну, же, ну! И она решилась. Не зная, какие нужны слова.

– Максим. Макси-им!

– А?!

– Я зову. Ты меня не слышишь.

– А! Прости.

– Мне кажется, я зову тебя так постоянно. Ты не слышишь. Не хочешь услышать.

– Что услышать? Анют, ты о чём?

– Тебя так долго не было, теперь ты позвонил, я ни о чём тебя не спросила. Но я знаю, через какое-то время ты исчезнешь опять. – По его реакции уже было видно, что мимо, Аня сразу потеряла запал. – Меня совсем это не радует, но дело... не в этом,... не в этом. Пойми меня, прошу...

Это были не те слова. Их было слишком много, они звучали жалко, ни одно из них не попадало в точку. Макс моментально вернулся к себе. Взгляд его стал собранным, жёстким. И бежал от её глаз. Наверняка, у него не с ней одной бывали подобные разговоры. Продолжать не стоило, это было уже проверено. Не стоило и начинать. Портить напрасной сценой хороший вечер.

– Ну, ты что? Анюта, ты что? Ты обиделась? Ты же знаешь, как я загружен. Институт, тренировки, фарца. Ерунда, но кручусь. Даже скучно об этом? Ты брось. Вот, послушай...

Он был рядом, обнял и, невзначай, потихоньку потянул её в путь. И, конечно, рассказ. За рассказом – другой. Всё смешно, всё забавно. Это Макс. Только голос слушался его плохо. Был похож на другие голоса.

А Аня покорно брела рядом. Слушала. Слушала, не перебивая. Лучше б не начинала.

И Анины глаза убегали вдаль. Потерявшись вдали, торопливо возвращались к ней под ноги. Рассеянно убегали и возвращались снова. Не успев ни на чем задержаться.

И что было там, вдали, Аня видела, но не различала.

Поэтому те две фигуры, фигуры человека и собаки, она не заметила сразу. Ей казалось, рябит на снегу.

Просто рябь, что могло быть вполне. Ведь часто расплывается то, что вдали, когда щиплет глаза и хочешь удержаться от слёз, ведь нелепо, смешно просто плакать, всё по-старому, всё, как и раньше. Но какое-то беспокойство росло – эта рябь приняла слишком правильный ритм и становилась больше и больше.

И невольно Аня всмотрелась. Думала о себе и о Максе. Порвать с ним и снова быть одной без всяких иллюзий, либо всё оставить, как есть, казалось ей одинаково тоскливым.

А они были странной парой. Двигались в темноте, по белому снегу. Как их грань, продолженье. Пёс, огромный и белый, сверкал, а потом исчезал, сливаясь с покровом земли, и вновь возникал, деловито труся, размашисто выкидывая вперёд лапы.

С ним шагал человек. В длинном, чёрном пальто. Немного чернее пространства. Словно гонец, проводник наступающей ночи. Словно венец темноты. Дразнящий её пиком цвета.

Он шёл легко, скользя, чуть не летя над снегом. Не быстро, не медленно, движения были едва различимы и скрыты хранящей его темнотой. Шёл уверенно, как твёрдо знающий цель, но Ане вдруг показалось, что он не видит, не слышит, идёт наугад, толком не разбирая дороги. Как заведённый. Ведомый. Ей стало не по себе.

И – она догадалась, кто это. Лицо ещё не было видно, она могла ошибиться. Но собака, огромная, белая с серым, Аня никогда не встречала таких. Может быть всё-таки эта – другая? Той же, неизвестной Ане породы.

С ним совершенно не хотелось столкнуться. На всякий случай уйти. Как назло, он двигался наперерез Ане и Максу.

Они сознательно приближались к ней!

Аня почувствовала в спине холодок. Зачем? Тогда, в их квартире, она ничего не взяла. Что ему сказать? Как объяснить, для чего ввалилась к нему ночью? Идиотка! Но что теперь можно от неё потребовать? Извинений? Она тридцать раз извинится. Может быть, она обозналась, это кто-то другой? Благо, хоть с ней Макс. Правда, придётся всё объяснять и ему. Объяснять, почему пошла с Леночкой и Олегом. Её должны были с кем-то познакомить. Что ж, пусть знает.

Меж тем, расстояние, отделявшее человека и собаку,

неуклонно сокращалось. Аня тянула Макса в сторону. Макс ничего не мог понять. Макс остановился, подставил этой парочке свою спину. Макс ни о чём не подозревал, и продолжал что-то бубнить ей на ухо.

Замолчал лишь теперь. Теперь упрямо стоял, как будто дожидаясь того, с собакой. На лице его были недоумение и обида. Макса не слушали. Неужели можно до такой степени ничего не чувствовать, ничего! Объясняться ещё и с ним. Вряд ли это будет менее неприятно.

Она перевела взгляд. Вдоль дороги горою были накинаны расчищенные снег и лёд. Аня думала, они послужат преградой, ненадолго задержат. Парень этот, ни на миг не останавливаясь, взлетел на хребет горы. И уже медленнее сходил вниз.

Стертая кожа ботинок. Серые брюки. Благородный, но выношенный твид пальто, дорогой и изящный, искусно и тонко вязанный шарф в контраст к остальному наряду. Килем острый кадык. Отсвет дальних фонарей падал ему на лицо, Аня узнала его, сомнений не могло быть. Глаза их соприкоснулись.

Он ждал этого.

Аня возмутилась. Он смотрел ей в глаза. Прямо в глаза. Не отрываясь. Беззастенчиво. Дерзко. Аня возмутилась. Она не боялась, он ошибался, если рассчитывал смутить её. Она поставит его на место. Но он не отступал, не думал отступать. Впрочем, разве Ане нужно было играть с ним в гляделки?

Ни к чему совершенно. Просто отвести глаза, не смотреть. Не заговаривать первой. Сделать вид, что его не узнала.

Аня не смогла отвести глаз.

Что-то помешало ей. Как будто было страшно остаться под его пристальным вниманием, а самой – не видеть. Глупость. Ане захотелось спрятаться, убежать. Что это такое? Просто отвести глаза.

Она была не способна сделать это.

Отвернуться? Гипсом залило шею. Закрыться рукой? Сомякнуть веки? Это же глупо. Она просто придумала это себе. Она просто придумала.

Он приковал её взгляд. Не произнося при этом ни слова. А она уже не пыталась оторваться от его глаз, – к своему удивлению – тянулась к огромным, чёрным зрачкам. Тянулась к ним, как к магниту. Втягивалась в их сердцевину.

Темнота и снег закачались по бокам. Его лицо непомерно выросло и приблизилось к Ане. Бездонные чёрные бездны. Аня могла бы потрогать их рукой. Той, что неловко пыталась закрыться.

Она падала вперёд. Уносилась к его глазам. Растворялась в них. Исчезала.

– Эй, тебе чего надо, приятель?

Гул проспекта, игра ветерка, дома, фонари, внезапная тишина, темнота, воздух, снег, всё возвращалось к Ане со словами Макса. Мир вокруг был полон звуков, прикосновений и красок, которые с необычайной ясностью открылись ей.

Макс! Помоги мне, Макс! У него много лиц. Много лиц. Много лиц, Макс.

Но все они сливались в одно, росли и опять приближались к Ане. И она летела навстречу. Её не было больше.

– Я к тебе обращаюсь! Ты что, не слышишь?

Вдох. Он был так нужен ей. Это счастье свободно дышать и не знать боли. Но Анины лёгкие не смогли разойтись до предела, их давило тисками. Его лицо было далеко и рядом, оно было единым и в нём было множество иных. Он пил, жадно впитывал в себя Аню, как тонкая бумага впитывает каплю молока. Аня забывала обо всём.

– Ты слышишь меня или нет?

Макс хотел встать между ними. Разорвать линию взглядов. Не смог. Аня знала, не сможет. Его голос был нервным. Он ей помешал. Помешал? Чему? Что происходит? Макс должен помочь. Помочь ей.

Эти глаза знали так много. Эти лица пережили столь разное. Понимала Аня, летя им навстречу.

Неужели Макс будет драться?

Что ему оставалось? Что происходит, он не понимал, но видел, как это неприятно Ане. Она дрожала, пыталась прикрыться рукой. Вдобавок, этот клоун в чёрном, невесть откуда взявшийся, невесть чего добивавшийся, вёл себя так, словно не видел, не слышал Макса. Словно, вообще, не догадывался о его присутствии, и Максу тут быть не полагалось. Это доводило до бешенства.

Но Макс всегда умел заставить слушать себя. Горе ему, если он оставлял единственный способ.

Лицо Макса покрыли мелкие красные точки. В мгновение ока они разрослись, и он стал пунцовым.

– Перестань тарашиться на неё, кретин! Если ты сейчас же не уберёшься, тебе будет худо!

И воздух, зажатый между домов, содрогнулся от рыка.

Джек здесь, не смей возвышать свой голос! Шаг не ступишь в его сторону. Пока крепкие лапы держат тело Джека, пока по влажным ноздрям Джека течёт горячее дыхание, пока от ударов большого сердца по массивной груди Джека, звеня, бежит жаркая дрожь, тебе не удастся даже прикоснуться к Нему. Так служит Джек Тому, чей запах сладок, чьи руки несут любовь, чьи губы произносят приказы, которым не повиноваться невозможно! Не смей перечить ему! Берегись!

Собаку Макс сразу не углядел. В первый миг показалось, что ревёт и хрипит от натуги снег. Он не боялся собак, но этот белый гигант, что стоял, как вкопанный, весь ошестинившись, был очевидно опасен. Макс изучал торчащие из оскаленной пасти клыки и чуял в нём волка. Чудная история приобретала совсем странный оборот. Макс, кажется, не знал, что ему делать. Его съедало мучительное ощущение. Он с судорогой сжимал кулаки, но уже не от ярости.

А где-то на проспекте мчались машины. С визгом скрипнула подъездная дверь. И, задыхаясь, Аня поняла – всё. И

точно, он отпустил её. Круто развернулся и такой же зачарованной походкой устремился туда, откуда пришёл. Пёс немного выжидал и затем гордо затрусил за ним. Аня едва не упала на снег.

Они уходили. Максу хотелось кричать вдогонку. Кричать обидное, дерзкое. Заставить вернуться. Но жалкая и – после всего – трусливая глупость подступала к губам Макса. Он не давал ей сорваться с губ. Шептал и глядел им вслед.

Аня не хотела смотреть. Не могла удержаться. Поднимала глаза.

Пёс сделался белым пятном. Чуть более белым, чем снег. Человек порой наплывал на него справа. Вытянутой перечерненной тенью.

Аня прятала глаза вниз, не хотела смотреть. Не могла удержаться опять. Но вот, наконец, их не стало.

Между домами стояла темнота. Темнота опиралась на снег. Совсем недавно, когда ещё ничего не случилось, Анины глаза зачем-то настороженно бредили темноту и снег. И из них возникли Те, двое. Возникли? Были ли? Может, темнота и снег рябили у Ани в глазах и ей всё померещилось?

Легко и покойно было бы думать так. Но рядом мучительно молчал Макс. Щеки люто колот мороз. Жар прошёл, до Ани разом добрался пронзительный холод. Кисти и стопы ныли.

Макс молчал. Взглядом резал темноту и снег. Обратись к ней спиной. Широкой. Тяжёлой. Почти недвижимой. Не мог

повернуться. И Аня не могла сказать ни слова.

Одним движением, не стовариваясь, они тронулись прочь.

На остановке Макс спросил, проводить ли её. Аня поспешно и резко замотала головой. Он принял с готовностью. Аня думала ещё долго, невыносимо долго они будут молча стоять рядом, но, несмотря на позднее время, троллейбус пришёл тотчас. Они едва кивнули друг другу. Аня скользнула внутрь.

В салоне было всего несколько человек. Аня опустилась на сиденье. Как прекрасно было бы выкинуть из головы эту встречу, как и первую. Угрозы от этой мумии, Аня чувствовала, не исходило, но было в нём что-то такое тяжёлое. Чужое, потустороннее, отталкивающее. Аня ни за что не хотела увидеть его снова. Как он нашёл её на улице? Случайно? Что он делал с ней? Гипнотизировал? Аня ни за что не хотела снова испытать это. Аня ни за что не хотела об этом думать.

Она старалась думать о Максе. Почему он молчал, не требовал объяснений? Она, конечно, была счастлива этим, не могла и не хотела ничего объяснять. Но он, кажется, был обижен, очень сильно задет. В чём, по большому счету, она была виновата? Имел ли он право в чём-то её винить? Она практически не знала этого человека. Так беззастенчиво смотреть на неё на улице было беспардонной наглостью с его стороны. Впрочем, столь же нагло было влезать в чужое жилище. Главное, ей абсолютно это не было нужно. Хоть убей, она не могла самой себе дать отчёт, зачем это сделала. Наклика-

ла неведомо что на свою голову. Но Макс-то в чем её мог упрекнуть? Такая, как Леночка, пожалуй, обиделась бы, что он не защитил её. Аня, наоборот, была рада, что, если уж что-то дикое произошло – не закончилось дракой или собачьими укусами. В чём Макс мог её винить? Тем не менее, она сознавала, между ними пробежала тень. Понимала, её ждёт одиночество. И тоска. Бесконечная, беспросветная.

Хотелось быстрее доехать и завалиться спать. Но легко уснуть на сей раз не удалось. От тревожных беспорядочных мыслей целую ночь Аня не могла сомкнуть глаз. И только под утро, когда веки её отяжелели, голова сделалась, как тугой шар, сон незаметно овладевал ей. Но стоило потонуть в нём, вновь начинали мучить эти глаза. Они впивались в неё со всех сторон сразу и, как бы Аня ни старалась отвернуться, оказывались прямо перед ней. Прожигали её насквозь. Видели её наготу, едва не проникали под кожу. Жадно впитывали её в себя, она не могла спастись. Просыпалась в испуге, в испарине и думала, как хорошо, это лишь снилось. Но вспоминала, что видела эти глаза. Видела их наяву? Это – было? Нет! Ей хотелось так думать – нет? Или, вопреки страху, что-то ужасное было в этом – нет? Как не крути, она отчётливо помнила, это случилось. Случилось! Аня не могла поверить.

Макс в тот вечер добирался домой пешком, шёл, с трудом подавляя рыдания. Максиму было шесть, когда у него появился первый друг. Дружба и потом, несмотря на разочарования и

измены, оставалась для Макса чем-то священным. А тогда... Друг был чуть старше, Макс обожал его, слушался его, как взрослого. Мечтал быть таким, как он, втайне подражал. Всё готов был отдать за него.

Как-то они стояли, окружив аквариум в натуральном уголке детского сада. В аквариуме жил рак. Трудно взять его, говорил кто-то, у него такие клешни, как цапнет, потом не разожмёшь, больно-больно. Ерунда, сказал друг Макса, я сто раз брал. Макс гордился им. А рядом ответили, врёшь ты. У Макса перехватило горло от возмущения. Вот и не вру, крепко держался друг. Ну, возьми его сейчас, не унимался надоедливый пискля. Но рак уполз в воду. Взял бы, да не хочу мочиться. Врёшь, врёшь. Но Макс знал, его друг никогда не врёт. Встав на стульчик, с трудом перегнувшись через стенки аквариума, намочив свои руки, он неловко схватил рака и протянул его другу. Вот, думал он, я достал его из воды, возьми, докажи им. Но друг не брал. Макс поднял на него глаза, и тот ударил его по лицу, злобно, изо всей силы. Ты что, прошептал Макс, уронил рака. И ощутил ещё один удар. А друг кричал, ты – дурак, малявка, писаешь в штаны, и не бегай больше за мной, надоел пропасть как. Макс стоял, умывался слезами, и сказать ничего не мог. Друг кричал ещё, и ударил ещё раз, прежде чем воспитательница зашла. И Макс навсегда запомнил, как стоял и рыдал тогда, беспомощный, незащитный, жалкий. Поклялся себе никогда не повторить этого. Никогда не терять достоинство.

С тех пор Макса не раз били больней, он не раз уступал и сдавался, переживал позор, но никогда больше не рыдал. Но, кажется, с тех пор его не унижали столь жестоко. Для Этого – пусть без собаки он ничего не стоил, и Макс переломил бы его одним пальцем, да, вообще, он наверное был ненормальным, может чем-то обкурился – но для него Макса со всем его достоинством просто не существовало. Он возник из темени на какие-то минуты, чтобы Макса ожгло ощущение – ты ничего не значишь, то, что должно произойти, произойдёт, есть ты или нет. Макс повторял себе, какая ерунда, случай такой, чтоб только посмеяться, надо было посмеяться вместе с ней, её успокоить. Но он еле сдержался, чтоб не сорвать на ней злость. Словно она была виновата, что Макс испытал это. Может, она знала этого клоуна раньше? Тогда б он обронил, наверное, пару слов. Да, знай она его, это ничего не меняло, он же был, как совершенно рёхнутый, смешно травить себе душу из-за такого.

Ерунда, ерунда, полная ерунда, убеждал себя, шагая, Макс и с усилием давил рыдания, от которых сотрясалась его грудь.

На Аню навалились неприятности в институте. Семестр давно начался, у неё, как обычно, оставались долги за прошлый. Сдачи хвостов забирали время и силы, её измотали

угрозами отчисления. Мама страшно нервничала. Они ссорились почти каждый вечер. Поводом был институт, но они, кажется, уже не могли ладить друг с другом. Леночка исчезла. Позвонил Макс, почему-то извинялся, но старательно избегал упоминаний о случившемся, разговор получился очень натянутым, паузы тянулись всё дольше, оба с трудом находили новые слова. Аня положила трубку с облегчением, и Макс, как уже было заведено, тоже пропал.

Аня осталась одна. Точнее, совсем наоборот, её каждую минуту окружали люди. В тёмные, промозглые утра они куда-то сосредоточенно шли, то навстречу Ане, то ей наперерез, они хмуро грудились вокруг неё на троллейбусной остановке и давили её, забираясь в троллейбус. То же продолжалось в метро, там лишь не было промозглого холода и Аню сонную, безнадёжно опоздавшую, душил их жар и запах их испарений. Институт был полон людей, они что-то спрашивали, чего-то добивались от Ани, а если и оставляли её в покое, значит, обязательно создавали какой-нибудь шум, то монотонный и одноголосый, то суматошный и разлитой. В кофейнях и забегаловках люди непрестанно говорили громко, смеялись или скандалили. Затем Аню ожидали посеревшие лица задолженников. Что вели бесконечные речи о зверях-доцентах или древних профессорах в глубоком маразме. Задавали друг другу и Ане вопросы, ответы на которые прекрасно знали. Или такие, на которые никто не смог бы ответить.

И – она попадала в лапы одного из кровожадных зверей. Как заклинания, бормотала перед ним обрывки несколько раз прочитанных, но так и неувоенных истин. Чертила на бумаге самой загадочные пояснения. Прямо на глазах у зверя, который наливался кровью и хрипел от Аниной несносной тупости. Или смягчался при виде её абсолютной покорности судьбе и рисовал в зачётке заветный значок.

В обратной дороге людей было меньше, но сперва на ней висел кто-нибудь, неустанно толкующий о несданных зачетах, а, когда, наконец, эта гнида проваливалась, Аню не хотели оставить одну. Непременно садились рядом, вставали, упирая в её колени мерзкие портфели и сумки. Не говоря о тех, что желали знать который час, как пройти туда-то и туда-то. В самые неудачные вечера кто-то просто жадно пялил на неё глаза. Один такой тип, пытаюсь с ней познакомиться, увивался вслед до самого подъезда. Он был до дикости нахален и непроходимо глуп, трещал без умолку, но Аня не послала его ко всем чертям, умея это делать отменно. Плетясь от остановки до дома одна, она порой с досадой замечала, что с тайным страхом озирается. Не возникнет ли откуда-то из сумерек человек в чёрном пальто с огромной белой собакой. Унизительно думать об этом, раздражалась Аня на себя. Но, дойдя до порога, испытывала облегчение.

Как было бы прекрасно, если бы при этом дома она могла остаться одна. Но она возвращалась так поздно, что, естественно, там уже была мама. С расспросами наготове – сда-

ла, не сдала, почему, понимает она или нет. Со своими бессмысленными порядками на кухне, когда всё, словно нарочно, ставилось не туда, куда нужно. Единственный способ заставить её замолчать был – уткнуться в книги. Голова уже не работала, тексты расплывались у Ани перед глазами, но сидеть с ними – создавало иллюзию покоя. Мама, естественно, не испарялась, а напротив подчёркивала своё присутствие, то гремя на кухне, то шебурша в шкафу, ей обязательно надо было перекидывать что-то с места на место, производить какие-нибудь действия и раздражать Аню. А когда Аня впервые за весь день стряхивала сон, чуточку оживала, она не давала смотреть телевизор, не давала читать. У Ани не было сил пререкаться, она, как маленькая девочка, ложилась в кровать, чтоб её, хоть ненадолго, оставили в покое.

Мама быстро засыпала, и Аню уже никто не окружал. Сон бежал от неё. Она ворочалась или лежала плашмя. Зажигать свет или уходить на кухню было бессмысленно – мама тут же бы всполошилась. Мыслей почти не было, изредка о чём-то мечталось. Аня чувствовала тоску особенно остро, ей никто не мешал.

Тоска приходила к Ане всегда незаметно. Она нисходила на Аню, как тонким, витым покрывалом, кружась на ветру, на землю ложится снег. Из снов, из предчувствий, усталости, неутоленных желаний, из страхов ткалось покрывало для Ани, вдруг становилось упругим и плотным, закрывало весь мир. А затем хладнокровно душило. Воздуха, воздуха

не хватало Ане, всё в ней рвалось навстречу простору, сильному вдоху, но... Вдохнуть Аня не могла.

Хотя так кипело внутри от надежд и тревоги, нетерпения – сейчас же сорваться, бежать, искать – пощады, прощенья, торжества, наказания, ласки, свободы – искать чего-то, чего не было у Ани, не могло быть. Но кипело напрасно. Аня не могла дышать свободно и счастливо. И мир вокруг блек.

Аня ждала новый день. Ей грезилось, вот, рассветёт, на окнах, на стенах, на слякоти, в воздухе заиграет солнце, расколдует её, принесёт ей свободу. Воздух свежий, сырой. Лёгкость. Пение птиц. Уже весеннее щекотание кожи.

Дни, как один, были угрюмы и пасмурны. Несли с собой унылую боль.

Аня не хотела просыпаться, видеть такие дни. Вставать к судорогам движений, к тарелкам на кухне, нервной возне и ненужным напутствиям мамы. Для того чтобы бесполезно крутиться до самой тьмы. И ночью опять не спать.

Аня призывала солнце.

И оно пришло. Сияющее, яркое. Ослепительное в прозрачном небе. Пронизывающее всё вокруг. Но с ним пришла лютая стужа. Под негреющими лучами радостно сверкал снег. Аня совсем не могла разлепить глаз и выбраться из постели. Её пробуждения начинались с перебранок. Мама панически боялась, что она вылетит. Аня боялась только мороза. Зябла при одной мысли оказаться вне помещений.

Ей казалось, навсегда её жизнь стала беспросветной, за-

полненной ненужной суетой, судорожными усилиями непонятно во имя чего. Какие ещё мысли могли рождаться под холодным солнцем?

Она считала дни, оставшиеся до начала марта. Ужасалась, их было много. Она гадала, когда в этом году уйдут морозы и сойдёт снег. В любом случае это должно было случиться не скоро. Она мечтала о том, как это случиться.

И озлоблялась на себя за эти мечтанья. Давно обрыдшие. Тоска пришла к ней впервые в детстве, точнее в рождение юности, когда голова её была полна мечтами смутными, неопределёнными, но необычайно светлыми. Тогда Аня привыкла тосковать по тому, чего нет. И чего быть не может. Теперь любые надежды, любые стремления, приходящие к ней вместе с пустотой и беспросветностью тоски, были ей отвратительны. Покой был всем, чего желала Аня.

Каждую ночь ей не было покоя.

Но как-то вечером, Аня вернулась домой особенно поздно, и мама, в кои-то веки, ускакала куда-то в гости, не преминув, правда, оставить дела на неё. Ане и пальцем пошевелить было лень, не то, что возиться на кухне. За домашними заботами она ни о чём не думала. Может, наконец, достигла покоя, к которому стремилась?

Во всяком случае, добравшись до постели, она испытала настоящую радость. Упала лицом в подушку, тело её потяжелело.

Трудно сказать, сколько времени прошло, пока лежать так

стало неудобно и пришлось перевернуться на спину. На кровати сидел человек из квартиры на последнем этаже. Это не сильно удивляло, удивительно было другое. Его лицо совершенно преобразилось. Черты были теми же, только вместо пугающей отчуждённости на них легли мягкость и грусть. Теперь его никак нельзя было назвать мумией, Аня сказала бы – он даже красив. Как, однако, может быть, что он сидит на её кровати?

– Ты спишь. Я пришёл в твои сны.

Голос был гортанный, чуть с хрипотцой и очень далёкий, как будто он пробивался к Ане через немыслимые расстояния. Сразу вспомнилось, как в ту ночь его глаза выбирались из-под надлобий.

– Я хочу тебя видеть. Мы встретимся завтра.

– Кто ты? Как тебя зовут? – Аня чувствовала, что ей тяжело говорить, слова плясали и не хотели проходить вату губ. В такт словам танцевала и комната. Было не понять, где стены, а где потолок, такие хороводы они водили. Вообще всё расплывалось, хорошо различим был лишь неожиданный гость. Вот, впрочем, и она, Аня, лежа с закрытыми глазами, еле шепчет или бормочет, пытаюсь высказать – кто ты? как тебя зовут?

– Я называю себя Спирит.

Сказав это, пришелец надменно поднимает голову, или, верно, просто отворачивается к дверям, а может к потолку. Что же это, стены кружатся, кружатся. Это невозможно, те-

перь ничего нет, какие-то овалы, линии, они бегут, сходятся и отстраняются друг от друга. Надо повернуться, а мышцы такие безвольные. Вот опять щека на подушке, но подушка горячая и жёсткая. Аня открывает глаза. Складки рассекают белизну наволочки, виден кончик носа, он освещён. Под одеялом жарко, в ушах – гул. Аня поднимает голову, ой, вокруг зябко, лучше замереть и не двигаться. Свет пробивается по краям штор, значит – уже светает.

Будильник взорвался истошными воплями, дребезжащими раскатами сирены.

Несмотря на него, Аня встретила утро удивительно свежей. Вероятно оттого, что мама не ночевала дома. Наплевав на опоздания, Аня, забравшись с ногами на стул, пила кофе и смотрела в окно. Ей было приятно думать обо всём. Даже вспоминать давешний сон. Только не встречи с этим человеком наяву. И не институт. К несчастью, время ускользало безжалостно. Аня заметалась. Выбегала, на ходу застёгивая пальто, неуклюжее, потерявшее вид, оно до смерти надоело, но Аня уже не надеялась купить себе шубу. Мимо спешили окна, лестница, улицы, машины, поезда. День был суматошным.

Но невероятно удачным. Аня скинула с себя целую гору. И её ждала награда.

Исчезнуть из института до темноты. Не добираться на переполненном метро. Аня уже ощутила себя счастливой. Но, совсем некстати, по дороге попалась бывшая одноклассница,

даже на троллейбусе надо было ехать вместе. Они не виделись несколько лет, а может и с окончания школы. Разговаривать было не о чем абсолютно. Они напряженно молчали. С деланным любопытством интересовались общими знакомыми. Кто кем стал. Кто чем занимался. Какие из девчонок вышли замуж. Какие ещё нет. Аня пока не стремилась к замужеству, благоговение перед ним, распространённое среди сверстниц, её сместило. Аня терпеть не могла таких встреч. Хорошо хоть, что проспект разделял их дома, и следовало, наконец, расстаться.

Аня быстро семенила через Севастопольский. Придти домой рано, поесть, упасть с книгой на диван и ещё иметь целый вечер в запасе. Давно забытое наслаждение. Лёгкий ветерок гладил Анины щёки, далёкое солнце уже заходило, но воздух казался ей теплым.

Летающие машины перегородили дорогу. Их было много, они скользили одна за одной. Аня устала ждать и перевела глаза на тротуар.

Он стоял чуть в стороне. Чёрный воротник подрагивал под воздушными волнами. Колебался и шарф, еле веяли жёсткие волосы. Лицо было – гипс, лицо было – сталь, египетский сфинкс мог позавидовать его отрешённости. В нём на вид не было никакого напряжения, но Аня как-то догадалась, ему неприятно здесь, шум, уходящий свет, автомобили, голоса людей и даже само их присутствие ему отвратительны.

Он одновременно и сливался с пространством – можно было скользнуть по нему глазами и не заметить, – и существовал в абсолютный контраст с ним, наперекор. Своим присутствием отрицая то, что было вокруг. Как это получалось, Аня не могла себе объяснить.

Моторы отшумели. Проспект был пуст. Лишь что-то громыхало вдали. Аня заколебалась. Но в той стороне был её дом. Она вдохнула и с усилием толкнулась вперёд.

В голове роились беспорядочные мысли, семестр, последний хвост, новые туфли, которые были нужны на весну, всякая чепуха. Или чепухой было то, что на пути у неё стоял человек, который нынче ночью в её сне сказал, что они встретятся сегодня. Это могло быть простым совпадением. Могло быть её предчувствием. Аня посматривала на него незаметно. Несомненно, он ждал. Каким-то образом знал, что она будет идти здесь. В этот самый час.

Ждал, чтобы изводить глазами? Она могла воспротивиться этому. У Ани не было сил. Ей, в конце концов, было безразлично. С ним не было пса, но жертва его была покорнее собаки. Сама искала его глаз. Будто говорила – вот я.

Узкий ободок его радужек был тёмно-карим, очень-очень тёмным, а зрачок невероятно большим, и потому создавалось впечатление огромных чёрных кругов. В его глазах было что-то необычное, непередаваемое, но сейчас они не были чёрными безднами. Он не собирался глазами вобрать в себя Аню, даже практически не смотрел на неё.

– Здравствуй, – голос действительно был гортанным, чуть хриплым, ещё более далёким, чем во сне, звучащим до странности отчуждённо, как голоса глухих.

– Здравствуй, – сама себе удивляясь, ответила Аня. С её выступающими из-под шапки волосами играл тот же ветерок. Грохот машин за спиной возобновился.

Его наряд был причудливой смесью вкуса, изящества и изношенной бедности. Аня попыталась представить, как выглядит рядом с ним.

– Пойдём, – сказал он и, не дожидаясь ответа, повернулся и тронулся с места. Своей удивительной поступью. Словно летя над слякотью и снегом. Почему и зачем Аня пошла следом?

Как он выбирал эти проходы между домами? Узкую тропинку вдоль забора стройки. Задние дворы. Пустыри. Чем дальше, тем меньше людей. Аня жила тут, но не знала этих мест.

Ему как будто было всё равно, идёт Аня позади или нет. Можно было остановиться, незаметно отстать, уйти в сторону, вернуться. И? Она почти бежала за ним.

Под ногами была какая-то грязь. К счастью, они выскочили на дорогу, выложенную оледенелыми бетонными плитами. Широкую. Достаточную для двоих.

– Не отставай, – бросил он, не повернув головы.

Вокруг никого не было. Смогла бы Аня найти дорогу обратно?

– Я не могу так быстро, – взмолилась она.

Он умерил шаг.

Они поравнялись и пошли рядом. Аня показалась себе неуклюжей. Посмотрела ему в лицо и – едва не упала. Его глаза были закрыты. Поступь его была непоколебима и уверена.

Аня могла закричать.

– Мои глаза раздражает свет.

Крикнуть Аня не успела. Куда он её заведёт?

– Для того чтобы двигаться не обязательно видеть. Я знаю эту дорогу и чувствую её под своими ногами.

Возможно, это было объяснение. Смогла бы Аня перемещаться, зажмурившись? Хотя бы по собственной квартире? При мысли об этом она споткнулась. Он подхватил её за руку. Тотчас же с испугом она вырвала руку.

Инстинктивно посмотрела на него. Он поднял веки. Огромные чёрные бездны. Вновь заражаемые желанием впитать в себя Аню, поглотить.

– Не бойся, – он закрыл глаза.

– Я не боюсь, – слишком поспешно. Но и на самом деле, хотя вообразить можно было всё, что угодно, Аня была уверена, бояться ей нечего.

– Идём.

Куда? И они пошли. Только значительно медленнее.

Вывернули на берёзовую аллею. Слева сквозь белёсые стволы виднелись задние стены хрущёвок. Аня бывала здесь,

когда была маленькой. Но не представляла, что сюда можно добраться таким странным макаром.

– Куда мы идём? – решила спросить, решила смотреть, в профиль его лицо было мягче. Куда? Разумней было спросить зачем.

– Не знаю. – Черты его были недвижимы, но Ане почему-то показалось, что он улыбается. Почему-то вспомнились светлоликие ангелы, виденные когда-то в альбоме средневековой итальянской иконы, они улыбались так же, не морща своих лиц. – Я никогда не знаю свой путь. Я никогда не иду по нему, он сам ведёт меня.

Несёт. Если сказать точнее. Итак, путь вёл его туда, где было безлюдно. Где не было фонарей. И она тоже шла по этому пути. Сюда она не рискнула бы заглянуть и с Максом.

– Я избегаю людей. Избегаю света. Здесь нам ничего не грозит. Сейчас ты чувствуешь это не хуже, чем я.

Он бросал свои слова в воздух. Отрывисто. Отчётливо, но не громко. Словно не обращаясь к ней. Аня привыкла к звучанию его голоса, но не могла приспособиться к тому, что он произносил. Постоянно оставалась недоумённой. Он отвечал на то, что слабо мелькнуло в голове? Или плёл что-то своё, совсем не имеющее отношение к ней. Так вообще не говорят. По крайней мере, с едва знакомыми. Что Аня делает? Что с ней происходит?

– Как тебя зовут?

Аня была изумлена!

– Что? – Она остановилась, раскинула руки. – Что?

– Имя. Как твоё имя. Я хочу узнать его.

– Вы..., Вы...

– Говори мне ты.

– Ты не знаешь его? – Откуда он мог его знать! Он сидел в позе лотоса ночью, и лицо его было странным, он, кажется, гипнотизировал её, он приснился ей, во сне сказал, что они встретятся. Ахинея! Всё это ахинея. Она выдумала себе чёрт знает что. С кем она? Зачем? Почему?

– Ты не можешь узнать... ну, угадать имя, – Аня теряла надежду. Какую? На что же она надеялась?

– Угадать? – Кажется, и он был озадачен. Так, что опять подставил свои глаза свету. – Ты хочешь, чтоб я угадал его?

Они стояли друг против друга и смотрели. Как тогда. Но Аня не боялась его глаз. В них не было пугающей бездны, был проблеск неуверенности. Спирит. ”Я называю себя Спиритом”. Это было во сне.

– Да я взял себе имя Спирит. Я сказал его тебе. Сказал, хотя меня не было рядом. Я знаю, ты его слышала.

– Может быть во сне, – добавил он после паузы, – или когда просыпалась.

Это было так. Он определённо почувствовал, о чём она думала. Это было доказательство. Стыдясь, Аня отвернулась. Он воспринял это по-своему и вновь зашагал. Аня стремилась держаться с ним наравне.

– Сейчас я не могу отгадать твоё имя. – В голосе его бы-

ло колебание. – Может быть, не могу вообще, я никогда не отгадывал имён.

– Аня. Просто Аня. Обычное имя.

И всё. Они шли по аллее. Он больше ничего не спрашивал.

Было ли в этом что-то ненормальное? Аня совсем запуталась. Куда они шли? Что дальше? Она не могла больше так. Надо было что-то спросить. Что? Куда они идут?

– Спирит.

Он вздрогнул. Как ужаленный. А Аня начинала верить, что у него нет нервов, ни один звук извне не может потревожить его.

– Почему ты назвал себя так? Как твоё настоящее имя.

– Я его не любил и почти забыл о нём. Мне нравится это.

– Ты можешь общаться с душами умерших? – Аня затрепетала от своего вопроса, приостановилась. Но он не последовал её примеру, и снова пришлось догонять.

– Мне нравится слово. Значение для меня бессмысленно. Мне когда-то давно понравилось, как оно звучало. Я не вызываю духов и не считаю, что я – сам Дух, собственной персоной. – Он определённо саркастически улыбался. Аня поняла по тому, как чуть опустились вниз уголки губ.

Аллея кончалась, вдалеке были люди. Они разговаривали у гряды гаражей. В одном из домов, наверное, у какого-то безухого, невозможно громко звучал телевизор.

Он собирался свернуть. В тёмный проход между домами.

В слякоть. На Ане были её единственные сапоги. С каблуком в два раза ниже, чем у Леночки.

– Я избегаю людей. Света. Я не могу тебе объяснить почему. Моя жизнь совсем другая, чем твоя. Абсолютно другая. Я ничего не смогу тебе объяснить.

Вопрос был естественным и легко слетел с Аниных губ, она не успела, как следует, его осмыслить.

– Зачем тогда тебе я?

Это приснилось Ане давно, но накрепко врезалось в память. Она видела часы. Часы, которые на самом деле много лет висели у неё над столом. Эти часы подарил мальчик, что готовился стать ей старшим братом. У него не было матери, как у Ани, можно сказать, не было отца, хотя его мать умерла, а Анин отец до сих пор был жив. Аня плохо помнила самого мальчика, вроде отдыхали дважды в Одессе, но она была тогда такой маленькой. Другое дело часы. Они висели на стене, и когда уже было хорошо известно, что их родители не поженятся, и они не будут жить вместе.

Он собрал их сам из специального конструктора. Они были прозрачны, и внутри можно было видеть весь сложный механизм из зубчатых колёс, заставляющий стрелки с неумолимой точностью отмерять минуты. Аня поднимала глаза вверх, когда делала уроки, проверяя, сколько времени осталось от вечера. И однажды часы приснились ей. Как в жизни колёса крутились и крутились, вертелся маховик. Однообразно. Неостановимо. Но вдруг колёсики часов, в мгновение

ока остановив свой ход, разлетелись в стороны, безжалостно взорвав прозрачную коробку.

Только тогда Аня была так же потрясена.

Неведомая сила, сама по себе ведущая тело Спирита, внезапно бросила его где-то на середине шага. Он споткнулся и удержался в вертикальном положении, лишь неловко выставив ногу. Бесстрастную восковую маску разрезали морщины, в глазах замечались растерянность и боль. Он сразу стал беспомощным.

“Зачем, зачем”, – волновались его губы. Он, то бросал испуганные взгляды на Аню, то озирался вокруг, как бы ища поддержки. Затем ему стало стыдно, он сморщился, закрыл лицо рукой и заспешил прочь от неё.

По мере того, как расстояние между ним и Аней, стоящей на месте в полной прострации, увеличивалось, пластика возвращалась к Спириту. Он исчез за углом уже грациозным, как рысь.

Аня осталась одна. На неё, как коршун, падал сумрак. Она не знала, что подобает в данной ситуации, смеяться или недоумевать. Она сомневалась, что выберется отсюда до полной тёмноты. Пришлось несколько раз возвращаться, чтоб держаться правильного направления, и дальше идти вкругаля, по более-менее знакомым улицам. Спрашивать дорогу у редких прохожих ей было стыдно перед самой собой, всё-таки выросла тут.

Представлялось, как он смешно, как ребенок, убежал от

неё. Как назначил свиданье во сне. Ещё и прозрачные часы, Макс, сверкающий под солнцем снег.

Он был, по виду, очень одинок. Наверное, несчастен. Возможно, никогда не знал женщин, хотя был, пожалуй, даже старше Макса. Он, вроде бы, мог делать вещи, которые и вообразить было трудно.

Пару лет назад Аню поставили бы в тупик чудеса, которые как будто удавались ему. Но теперь... На страницы наиболее смелых журналов и газет вместе с набирающей силу критикой всем приевшихся, но незыблемых порядков тоненькой струйкой полились рассказы о таинственном и неизученном. Экстрасенсы, телепаты. Вероятно, этот парень был один из них.

Аню немного разочаровало, что он не занимался спиритизмом в традиционном смысле, не общался с душами, отделёнными от тела и живущими вечно. Её с ранних лет учили, никаких душ нет. Не то, чтобы она особенно рьяно на этом стояла, но привыкла думать, что это так. Столкновение с этим человеком незаметно пробудило в ней неожиданную готовность убедиться в обратном. Теперь было немного жаль.

Ей, несмотря на это, было интересно, чем он занимался по ночам, что делал тогда с ней глазами. Она раздумывала над этим в троллейбусах, метро, под мерное чтение лекций. Временами, когда не могла уснуть. Она не хотела повторения. Её пугало всё, что в воображении напоминало об его леденящей

отороженности, странных манерах. Она порой страшилась его новых появлений. Но уже не пыталась выкинуть его из головы. Раньше она говорила себе – то, что связано с ним, какая-то абракадабра, нелепица, причем нелепица, которая не имеет к ней отношения. Что-то случайное, что промелькнуло фрагментом, кусочком, от того несуразное, необъяснимое. Она запрещала себе думать об этом.

Теперь Аня знала – хотя он так нелепо бежал от неё – её ждёт продолжение. Анины мысли не могли оторваться от этой истории.

Разве Аня хотела продолжения? Его тянуло к ней, пусть он не отдавал себе отчета почему. Это льстило. И ужасало, ей не нужен такой поклонник. Что она должна сказать ему, если он опять возникнет из темноты? Уходи, не появляйся больше? Ане не хотелось его обижать. Каждое его движение несло в себе печать одиночества и страдания. Как бы не был он холоден и бесстрастен, безразличен ко всему, что рядом. Она едва не опрокинула его на землю простым вопросом, и он сразу растерял свою мрачную уверенность. У Ани это не вызывало презрения и насмешки, напротив после этого ей было легче думать о возможных новых встречах с ним. Если б он был таким, как во сне. Грустным, мягким. Нежным. Нежным?!!! Аня гнала это от себя, что за глупость.

Мысли о нём надоели Ане. Она желала от них избавиться. Но они овладевали ей всё больше. Порой Аня ловила себя на лихорадочном ожидании какого-то необычного сна, в

котором он явился бы опять. С удивлением обнаруживала в себе лёгкое разочарование, просыпаясь. Ей снилась всякая мутотень, вроде того, что в школе вызывают к доске, она не может ответить урока и плачет.

Это было глупо, Аня вполне отдавала себе отчёт. Но все оставили её, Макс, подруги, удача. Она была одна. Одна, как всегда. И вокруг была та же тягомотина. Можно было помечтать о том, чего не бывает.

И мечты становились привычкой. И мечтать было уже мало. Пусть странный, мрачный, может больной, но он должен был опять появиться.

Или лучше бы вместо него вернулся Макс? Которого снова не было слишком долго. Он ничего не спросил об этом "Спирите", может, думал, что они более тесно знакомы с Аней?

Не похоже было, что Макс ревновал. А жаль! Аня ощущала в себе сильное желание подразнить Макса. Вот если, например, они опять столкнутся все трое. Где? Как? Удивительная способность часами думать о всякой белиберде.

Просто Макс, как обычно, не считался с Аней. Был озабочен чем-то более важным. Или кем-то. Ане давно было пора порвать с ним. Теперь он, верно, сам решил так, без неё. Пускай. Аня, как и раньше, не собиралась звонить Максиму. Узнавать, что его нет дома или слышать от него, что он занят.

А этот чудак? Его надо было выкинуть из головы. Ей показалось, эта история не будет иметь продолжения.

Аня с досадой обнаруживала, что думать так было неприятно. Обидно.

На самом деле он не был ей нужен. Но в жизни всё-всё было не так, как хотелось бы Ане. И к тому же всё делалось пугающе однообразным.

Надо было развеяться, переключиться. Куда-то пойти. Аня сбросила хвосты, но, как заведённая, ездил в институт. Боялась сидеть дома одна. Глупо мечтать. Это можно было легко изменить, лишь набрать какой-нибудь знакомый номер. Но Ане не хотелось видеть ни – особенно – Леночку, ни кого-то из институтских приятельниц, и не объявлявшихся на лекциях, коль до сессии было так далеко.

Ей по-прежнему никто не звонил.

Она не видела странных снов.

Становилась привычной тоска.

Было лучше быть занятой чем-то. Тогда мысли меньше мешали. Разве только в пути.

Они опять докучали ей, когда она в очередной раз брела от остановки к дому. Завернув за угол, она увидела Макса. Он шёл в обнимку с круглощёкой девицей. Что смеялась речам, которые он нашёптывал на ухо. Смеялась громко, широко раскрывая рот и показывая крупные зубы.

Пять минут раньше или позже, встречи можно было избежать. Изображать, что ничего не видишь, или гордо отворачиваться Ане было противно. У неё достало силы холодно кивнуть. Макс был растерян.

За спиной Аня слышала, как круглощёкая несколько раз громко что-то переспрашивала у него.

Аня шла, вытянувшись, чтобы не дать понять, как ей больно. Это была не ревность. Она догадывалась, что у него есть или бывает кто-то ещё. Она не знала, что это так отвратительно.

Так гадко. Так холодно, пусто.

Анины дни стали, словно один. Боль утра. Давка в транспорте. Грязный снег вдоль дорог. Серые стены. Однообразные голоса. Дома – дребезжащий экран. Теснота, негде даже ходить, бесконечно, бесцельно. Пустота ночей. Пустота желаний.

Ане не было жаль потерянного Макса. Она не терзалась ревностью. Найдётся кто-то другой. Когда станет слишком поздно, чтобы не оставаться одной на всю жизнь, как мать, она объединится с кем-то таким. Вряд ли повезёт, она не будет выбиваться, лезть к кормушкам и такого же найдёт, будет жить, как мать, с трудом дотягивая до зарплаты. Будет видеть только череду машин и вагонов метро. Затем стены и одни и те же лица. Дома биться над уютom, разрушаемым бедностью. Один месяц в году вырываться к морю. Больше ничего. Весь остаток своих дней. Ведь это твёрдо устанавливалось сейчас, пока она молода.

Воскресенья были для Ани хуже будней. Она не знала, куда себя деть. Не могла читать. Не могла постоянно лицезреть маму и её брюзжащий ящик.

В одно из воскресений, когда вечерело, она увидела в углу окна птиц. Они летели веером. Аня кинулась к стёклам. Из её окон был виден такой маленький клочок неба, птицы скрылись за углом соседней башни. Они летели так далеко, Аня видела их так недолго. Не смогла узнать их, хотя дед учил различать птиц издали, по полёту. Чего ради так взволновалась? Рано, не время возвращаться птицам. Это были голуби или вороны, чёткий строй их уже сбивался, когда они исчезли с Аниных глаз. Ещё не скоро кончалась зима.

Аня отвернулась. Когда б она не кончалась. Будь это и перелётные. Что менялось от этого в её жизни? Аня ушла от окна, повалилась лицом на постель. Ничего не видеть, не слышать, ни о чём не мечтать. Даже, если когда-нибудь наступит весна. Она ничего не изменит. Аня была в этом уверена. На душе у неё было пусто.

Птицы, летящие первыми, летящие впереди Весны, помогите, хоть вы помогите Ане!

Спирит обожал своё чёрное кресло. На глади высокой спинки прорезалась сеть, ручки потрескавшейся кожи, мешаясь, стремились вниз, плели тонкое кружево. В котором взгляд Спирита терялся. Порою надолго.

Спирит ощущал рисунок плетенья кожей спины сквозь любую одежду, пускай нить кружева и была для этого слиш-

ком тонка. Странный узор, бесконечный в круженье и переплетеньи линий, отпечатавшись на спине, проникал в воображенье, завладевал всем вниманьем. Помогал забыть. О том, что было вокруг. Что могло, хотя б на секунды отвлечь. Не дать вырваться в сны.

Спирит проводил в своём кресле много часов. Самых ярких, самых важных часов своей жизни. Остальное время было только прелюдией к ним.

К сожаленью прелюдией долгой. Сумрак еле рядил темноту, далеко за домами светлел Восток, Спирит не мог это видеть сквозь тёмные шторы, но знал, его часы истекли. Кресло лишалось своего обитателя.

Джека ждал Битцевский лес, миллионам людей вскоре пора было пробудиться. Спирит впускал в окна зарю. Он совсем не любил свет, но цветам, хотя бы такой был необходим, и так в квартире Спирита приживались лишь те, что растут в темноте.

Нужно было долго трудиться, чтобы размять и разнежить каждую мышцу, каждый сустав. Тело, затёкшее от неподвижности, надлежало расслабить. Только потом можно было перейти к излюбленным асанам. Возвращающим бодрость, готовящим к следующим странствиям.

Когда Спирит, наконец, отправлялся на кухню, огромный город, в котором стоял его дом, оживал. Бурлил, гремел, гудел, дрожал и лязгал. Спирит смотрел иногда на город в окно. С высоты своего последнего этажа.

Пища его многим показалась бы скудной и пресной. Что поделаться, он был беден, а слишком обильное пищеварение могло помешать его сеансам. В городе начинался день, Спирит отпраплялся спать. Рядом с тахтой на коврике укладывался Джек. Им обоим так было удобней всего ждать, пока солнце переберётся на Запад.

Просыпался Спирит отдохнувшим и свежим. Он не видел того, что люди называют снами. Это могло случиться лишь с Джеком. Тот постанывал, скрёб когтями. Скулил. Спирит проводил рукой по его мохнатой голове, и пёс затихал.

Хозяину же предстояло работать. Спирит садился за вязальную машину. Когда-то труд этот временами делался мучкой. Руки бессильно дрожали, на глазах появлялись слёзы. Он ненавидел монотонное, тупое усердие, которое забирало столько сил, так мало давая взамен.

Теперь Спирит просто делался нитью. Тянулся. Ложился в изящные завитки. Оплетал сам себя. Вязал себя в узел. Скользил вдоль своих волокон, повторяя узор. Свивался. Скручивался. Соединял. И не замечал, как переделывал все заказы.

Сумрак окутывал город. Но машины и люди ещё продолжали сновать по нему. Спирит снова ел. Наслаждался кофе. Сражался со своим псом. Ласкал его. Заставлял ловить мяч. Слушал музыку. Любимые пластинки, иногда что-то удачно передавали по радио.

Валяясь на кровати, думал. Смешное занятие. Но мысли,

образы, отпечатки прожитых дней не должны беспокоить по- том и препятствовать бегству из яви. Спирит выпускал их на волю.

Но чаще и чаще мысли, роясь в голове, вдруг блекли, да- вая дорогу воспоминаньям. Не о мерно бегущих днях. Не о прошлом давно отошедшем, отрезанном напрочь. Не о про- житой боли.

Памяти сокровенной.

Самым дорогим виденьям.

Как это.

Спирит – маленький мальчик. Огромный тенистый парк. В небе яркое солнце. Гравий дорожки в дубовой аллее. Ска- чет в воздухе, летит мотылёк. Подёргиваясь, срывается вниз. Отчаянно работая крылышками, поднимается.

За ним. Направо тропинка, сквозь зелёные ветви. Он над тропой. Вверх-вниз. Скачет. Парит. Скачет вновь. Трепещет, трепещет. Дальше над тропкой. Она золотится, играет. Тень – свет. Свет и тень. Разрисованы полосами.

По лицу шуршит мягкая ветка. Он рядом, скользит между рук. Сзади слышатся первые ноты. Эти ноты знакомы. От дома звучат еле слышно. Знакомы. Их слышал недавно. Знал название с уст кого-то из взрослых. Еле слышно.

“Времена года”, “Весна”. Да точно, вот теперь они громче. Мотылёк убежал – догонять. Он мечется в воздухе. Мечутся зелень, глина, листва. Всё пропитано музыкой. Она оглуши- тельна, от неё всё горит в голове.

Это он – мотылёк. Он летит. Всё огромно. Огромны цветы и трава. И бесчинствует музыка. Вивальди, Вивальди. Вдаль уносится тропка. Он скользит в пустоте.

Из плена памяти всегда вытаскивал Джек. Возбуждённо, разгневанно. Держа ошейник в зубах.

Да, пора. Город зажигал свои фонари, но его жители в страхе оставляли улицы, стремясь укрыться за стенами зданий. И Спирит и Джек навевались в город.

Воздух ночи. Уверенные шаги в темноте. Редкие нервные звуки в царящем безмолвии. Джек и Спирит ощущали себя обладателями города. Но бежали случайных встреч. Сторонились даже бездомных собак, поднимающих трусливый лай. Даже света огней. Они любили быть только вдвоём. Вместе с ночью. Свежестью. И свободой.

Джек никогда не желал возвращаться. Обиженно шёл позади. Спирит ускорял свой шаг. Если прелюдия была удачной, она станет волшебной, когда уступит место сонате.

Слегка разогрев свое тело, вернуться на кресло. Сложить свои ноги в крест. Опереть поясницу на спинку, вытянутую, как жердь. Ощутить, или поверить, что ощущаешь, змеистый рисунок на спине. Почувствовать, как легонько, едва, качается вершина дома. Еле-еле, как дышит глубоко спящий ребенок. В восторге раскачиваться вместе с ней. Ожидать, как вокруг начнет качаться и кружить Москва, её небо, земля, весь Мир и...

Размеренный ритм пришёл к Спириту через долгие годы.

Пришёл, казалось, навсегда, потому что теперь, как будто, ничего не могло его сбить. И вдруг какая-то мелочь, ворвавшись внезапно, отравила всё.

Первый раз она была перед ним какие-то секунды. Распушенные русые волосы. Огромные серые глаза. В этих глазах – изумление, ужас, тревога, любопытство, сомнение, боль. Какие-то секунды. С тех пор она была рядом постоянно.

Сосредоточенный в асанах, способный отрешиться от всего Мира, он, плотно сомкнув веки, видел её, и плавность его отточенных движений нарушалась. Он не рисковал бросить взгляд в окно, чтобы снова не думать только об одном, она живет в этом городе и сейчас где-то в его кутерьме.

Не мог уснуть оттого, что слышал в своём доме запах её волос. Ворочался, укладывался так и эдак, вставал. Растревоженный Джек рычал и лаял на него. Такого труда стоило забыться. Но не забыть о ней. Давно, давно, давно, очень давно Спирит не ведал, что такое эти жалкие сны, сны других, не знавших странствий, а она постоянно снилась ему, он летел и летел непонятной дорогой к ней, чтобы сказать: "Я хочу тебя видеть. Мы встретимся завтра". Завтра! Завтра! Завтра! Просыпаясь с этим завтра. Поздно. Нарушив весь свой день. Вставая с вялостью членов, слипшимися ресницами. Кидаюсь за работу и постоянно в раздражении бросаю нить. Её взгляд сковывал пальцы. Чтобы наверстать, выполнить заказы, которыми заваливал Кирилл, он сокращал время отдыха.

Отдых?! Всё время помнить о ней. Видеть её лицо, какая

б не звучала мелодия. Джек, прежде спасавший от ненужных мыслей, не мог помочь, в играх с ним Спирит без конца вспоминал. Без конца прокручивал в голове их единственный разговор. Искал в нём значенье. Какое значенье? На прогулках шёл туда, где однажды брели с ней вместе. Так, что Джек успел привыкнуть к этому и первым бежал в те места.

И – это было невыносимо. Она шагнула за грань. Этот Мир и Тот не стыковывались никогда и ни в чём. Во всяком случае, образы этого Мира никогда не переходили – Туда. Он помнил о ней, Там. Повторял её имя. Аня. Анна. Аня, Аня, Аня, Аня. Повторял, даже не имея рта. Лишённый памяти и сознания.

И боялся, боялся, что это случится опять. Возвращаясь назад, в Мир прелюдий, он будет помнить только о ней, желать только увидеть её вновь, не желать ничего больше, и – провалится куда-то вовне, вне видений и вне Мира, туда, где можно с ней говорить, и знать она слышит. Слышит она – русоволосая девушка, что живёт здесь, в одной из квартир в прямоугольных домах, русоволосая девушка, такая, как все, русоволосая девушка из яви. Он провалится и захочет, как тогда, сказать: "Мы увидимся завтра". Не задумываясь – зачем?

Ужасно повторить этот бессмысленный шаг, то, что сделал случайно, просто не предполагая, что такое возможно, оттого, что привык никогда и ни в чём не создавать сознанию преград, не думать, не управлять собой, подчиняться тому,

что возникнет внутри, обращаясь к виденьям.

Ужасно! Потому, что такие шаги могли увести ещё дальше. Он и так не мог собой овладеть.

Как раз тогда, когда начал жить, как мечтал, как уже не надеялся.

Когда поверил – не будет дороги назад. Ведь всё, что в нём самом тянулось к обыденности, умерло. Даже перестало быть утратой.

Запах женщины не должен управлять его волей. Владеть его мыслями. Чужие глаза не должны превращать в марионетку, пляшущую в опьянении от их мимолетного вниманья, готовую на любые жертвы, чтоб это вниманье удержать.

Что он мог ждать от неё? Новых разочарований? Новых мук? Да отдаленья от снов, риска их потерять. Тогда зачем?

Она сама, как ни мало могла понять его, какие-то его слова, произнесла это вслух.

Зачем? Зачем? Зачем?

Он думал, старые колебания умерли? Он уже сделал выбор? Не должен больше страдать?

Выбор совершается каждый день. Его путь невозможен без боли.

Забыть. Сколько бы она не возникала в сознании, отстраняться. Без гнева, но неустанно, направлять свои мысли прочь. Ни на секунду не сбивать свой ритм.

Да это возможно, для него это легко. Ведь он отрешился давно от того, что было сильнее. Что владело его существом.

Среди тех, кто окружал его в яви, он не знал никого, кто был бы равен ему в управлении собственными помыслами.

Наваждение оставалось с ним.

Крепло.

Прорастало его насквозь.

Нелепость. Досадная нелепость ломала жизнь Спирита. Почему? Этот вопрос раньше был смешон для него. Не было и нет никаких почему и потому, оттого и вследствие того. Есть поток, который окружает и несёт, никогда не разобраться в его бешеных поворотах, внезапной тишине и отчаянных волнах, будоражащих стремнинах и скрытых подводных течениях. Отдаться ему. И найти свою отдушину, свои сны, предаться им настолько, насколько поток оставляет возможность. Почему никуда не ведут. Они бессмысленны. Смешны.

Но как же Спириту хотелось знать почему! Откуда взялось чувство, что охватило его в ту ночь, когда они с Джеком возвращались после бодрящей морозной прогулки. Что оно означало? Куда вело?

Он думал, это предвкушение снов, снов, предстоящих в такую ночь. Ночь, скованную морозом. Ночь, одурманенную Луной. Ночь, закрученную порывами вихря, поднимавшегося с Запада. Улицы были абсолютно пусты. Величественны. Спирит, взбудораженный холодной и дерзкой красотой ночи, вдруг хохотал, перекрывая ветер. Такое редко бывало и удивляло Джека. Спирит представлял, как страшно ста-

ло бы каким-нибудь случайно оказавшимся здесь добропорядочным горожанам – безлюдье, мрак, ветер, взвивавший немногие не слипшиеся снежинки, круживший их в серебряном свечении, и – хохочущий сумасшедший. Представлял и смеялся ещё больше. Лифт поднимал его и Джека, а ему казалось, он возносится, воспаряет к каким-то удивительным, доселе не испытанным видениям.

Восторг – вот, что вело Спирита. Он был опьянён, передвигался пошатываясь, весь дрожал, предвкушая предстоящий сеанс. Он не давал волю беспокойству, желанию себя обуздать, это состояние нельзя было сбить, безумием было бы потерять его. И, зайдя в своё логово, он не задвинул засов...

Но это была мелочь, сколько таких же промашек он совершал за день. Ведь у него был Джек, вышколенный, всё понимающий Джек, Джек дьявольский консерватор, который терпеть не мог никаких перемен, никаких отступлений от заведённых порядков. К засову была приделана деревянная ручка, Джек брал её в пасть и мог свободно передвигать. Да стоило хоть что-нибудь сделать не так, он тут же начинал угрюмо рычать, Спирита изводил этот брюзга, он словно брался пародировать и доводить до абсурда педантизм своего хозяина. Но на горе своё Спирит слишком многому его научил. Научил всегда и во всём полагаться на чутьё, идти за ним, даже если предыдущий опыт и иные чувства ему противоречат. Научил понимать свои пожелания без всяких команд,

перенимать у него настроение. И пёс достиг того, что почти с ним слился, они жили едва не как один организм. Он по-своему понял сладостное возбуждение Спирита. Он видел незакрытый засов и усмотрел в этом знак. Чуткий к любым посягательствам на пространство Хозяина, он беспрепятственно дал ей войти. Опомнился слишком поздно, когда голову Спирита разрезала боль.

Боль режущая, саднящая, разрывающая, боль тела, изводящая и несущая бессилие – вот к чему опьяненье Луной и ветром привели Спирита. Почему? Почему? Почему?

Почему интуиция изменила ему? Почему вёл восторг, разве в том чувстве, что теплилось в нём, не было предвестия боли, не было тревоги, тягостного томления? Но разве этого не было всегда, во всём, что окружало сны. Разве были видения доступны без страданий и отречений, кому, как не Спириту, было знать эту плату за блаженство. И предчувствие было столь тонким, неуловимым и в то же время столь яростно жгучим, что, по опыту Спирита, просто не могло относиться к Грубому Миру. В такую волшебную ночь он осознал его, как знамение новых волшебных странствий. Почему? Ведь редкую ночь он не возвращался к странствиям, и в каждую секунду они были волшебны. Это странно, но последнее время, когда сны стали привычкой, когда всё в жизни Спирита устроилось так, чтобы потворствовать им, он начал забывать ту зудящую дрожь, полную предвкушений, трепещущих надежд... и страха. Страх неудачи, ужаса безвре-

меня яви, утраты снов. И он поверил, что полон снова этой мучительной и сладостной дрожью. И предался восторгу.

Эта девушка вошла под кров, охраняемый Джеком, в стены, лелеемые Спиритом, как единственное убежище, скорлупку для странствий. Вошла, прервав сновидения.

Но сам по себе этот досадный случай ничем не грозил, можно было забыть о нём, только стать осторожней. Зачем же он плёлся так долго, едва почувствовав её присутствие, а потом буквально сожрал её глазами, доведя обоих до истерики, и её и того, кто был с ней, – к чему было привлекать к себе столько внимания?

Ему захотелось сделать это внезапно. По привычке, выработываемой годами, Спирит не противоречил своим внутренним побуждениям. Последнее время они вели туда, куда следовало, он забыл, действительно забыл терзания прежних лет.

Он давно не испытывал соблазнов? Но желание видеть русоволосую девушку, видеть её глазами, было так не похоже на настойчивые требования плоти, на прежнюю привязанность к обыденной жизни. Да и вело его нечто столь грозное, столь неодолимое, что он не смог бы противиться. Увидеть, увидеть, увидеть, увидеть ещё раз трепетные серые глаза, огромные от ужаса и изумления. Да ему было мало видеть, он словно хотел проглотить каждую клеточку этих глаз. Словно в сновидениях, да, страшно подумать, но в точь, как в дарованном ему блаженстве сновидений, он потерял вре-

мя, потерял себя. Лишь только ему удалось сбросить наваждение, он содрогнулся, он же вёл себя, как будто видел сон, один из своих снов, а смотрел на девушку глазами.

А потом этот дикий шаг, эта нелепая встреча.

Почему? Потому, что Спирит в первый раз увидел её так? Слишком резко вернувшись назад, ещё не вырвавшись из мучительного мира границ, ещё не здесь и не там, ещё незрячим, он открыл глаза. И она открылась ему. Видением, цепко вклинившимся в явь, невиданной явью, что была подлинней видений. Остатком сна, продолжением снов. Она явилась ему в пробуждении, в самые первые невосполнимые секунды осознания сна, вершины его блаженства, ещё не омраченные мыслью о конце, о возвращении. Поэтому она запомнилась такой. И поэтому Спириту опять и опять хотелось её видеть.

Наперекор тому, что в жизни людей не прошло и мгновения, прежде чем Спирит догадался, кто она и как оказалась здесь. Наперекор дикой боли, что стянула голову Спирита кольцом, наперекор разбитости в теле, наперекор испорченной ночи полнолуния.

Спирит хотел вызвать в себе неприязнь к ней, она прервала столь чудесный сон, но вот ужас, вот несносное совпадение, она прервала его так, что смешалась с ним. Он, лёгок и неутомим, гнался за ним, за ускользающим нечто, за облаком, напоённым сладостью и невыразимым восторгом. И, догнав, осознал его, как запах, ... запах русских волос. И, до-

стигнув его, ощутил себя спящим... и пробуждающимся.

И сколько потом он ни убеждал себя в нелепости этого случая, не помогало. Запах русских волос навсегда остался в его доме. Навсегда остался с ним, куда бы он ни шёл. И, изводя Спирита, угрожал разрушить его отлаженное до мелочей существование.

Этот день всегда наступал. Каждую неделю, особую неделю Спирита – четверть видимой Луны. День без странствий. Начинаясь с рассвета, застававшего в беспробудном сне, а не в видениях. День этот был досадной необходимостью. Ночи сновидений должны были быть прерваны, чтобы придти опять далёкими и желанными. Но, порой, Спирит даже с радостью ожидал этого дня, еженощные странствия истощали его.

Только не теперь. Теперь мираж становился невыносимым.

Спирит плохо спал. В то время, когда следовало восстановить недостаток сна. К несчастью, был не выходной, и родители ждали его только к вечеру. Он думал, что сойдёт с ума, уже не забавляло, что и так числился умалишённым. Ничего не мог поделаться с грязным бельём и пылью, с которыми привык расправляться в это время.

Отправился в дорогу разбитым. Его мучил свет. Весь путь до метро.

Интуиция безошибочно привела к самому пустому вагону. Но и там были люди. По всем меркам – совсем немно-

го, но это не мешало им быть самыми мерзкими людьми на свете. Плотная стена выросла вокруг Спирита, колючки выдвинулись из его кожи и обратились густой щетиной. "Не приближайтесь", – приказывал Спирит, – "Не думайте, не смейте приближаться!" Он ненавидел быть в замкнутом пространстве среди людей. Мерзких людей, гадких людей. Излучающих испарение удушенных желаний. Мерзких, мерзких, мерзких, мерзких, мерзких!

Но он напрасно пытался раскочегарить себя, лишь бы не думать о ней. Это не удавалось совершенно. Выходя из поезда, Спирит вдруг почувствовал, что сегодня сможет увидеть её. Воочию. Прочь эту блажь!

Спирит любил своих родителей. Он принёс им немало горя, единственное, о чём сожалел в мире, расположенном за гранью видений и что мечтал бы искупить. Старался быть с ними терпеливым. Как мог пытался не казаться тем, кем был на самом деле – это так пугало их. Не выглядеть безнадежно больным, каким считался.

Ничего не получалось сегодня. Спирит попробовал завести обычные разговоры, помочь маме, которая хлопотала. Внутри безостановочно крутилось – он может увидеть сегодня Аню. Вырвать, выбросить из себя, избавиться от напасти. Его колотил мелкий и частый озноб. Начав говорить, он останавливался на половине фразы. Слушал вполуха. Отвечал механически. Они знали, с ним бывает такое. Но мама заметила что-то и не на шутку встревожилась. Они давно

были далеки, как Север и Юг, но она так сильно любила его. Догадывалась, когда ему по-настоящему плохо. От её беспокойства стало неуютно папе. Начались робкие расспросы. Издалека. Как он себя чувствует? Принимает ли прописанные лекарства?

Спирит ужасно устал от зуда внутри, зуда смятения и неопределенности, от чувства, о котором он давно позабыл. Был с родителями холоден, почти груб. Они боялись возражать ему. Не знали, что сказать. Прятали от него свои посеревшие лица.

Его вдруг огнём обожгла печаль, воцарившаяся в их жилище. Между стен, закрытых то запыленными книжными полками, то фотографиями рек, пройденных ими. Фотографиями, на которых они были молодыми и улыбающимися на фоне воды, с байдарочными веслами наперевес. Где рядом с ними был мальчик с задумчивым лицом, печальными глазами. Они называли Спирита тем же именем, что и этого мальчика. Это было, пожалуй, единственным, что ещё связывало его с этим мальчиком. Спирит опустил глаза.

На столе и на стульях, на рояле с треснувшей крышкой, с необычным искусством втиснутым в небольшую комнату, лежало множество толстых журналов, раскрытых или заложённых посередине. Родители жаловались Спириту, что не успевают поглотить всё, что нынче выплеснулось на их страницы. За этим чтением проводили одинокие вечера.

Я буду у них допоздна. Сделаю всё, чтоб им стало легче.

Поеду назад, когда она уже вернётся к себе. Подумал Спирит. Подумал и успокоился.

Но мама настояла на том, чтобы он вышел раньше. Не добирался без собаки в темноте. Ещё ведь и выгуливать её, она не знала, что Спирит ходит с Джеком ночью, причем в таких местах, одна мысль о которых вызвала бы у неё ужас. Он не смог спорить. Коснулся глазами строк, повествовавших о муках людей в сталинских лагерях. Стал собираться. Они провожали его до метро. Я могу увидеть её, – говорил себе Спирит, вдыхая холодный воздух, – для этого надо подняться наверх, не доезжая одной станции. Я не сделаю этого.

На ступеньках подземного перехода они попрощались. Эскалатор потащил Спирита вниз. Он был, вроде бы, уверен в своих силах.

Машинист спешит, и состав барахтается вправо-влево. Поезд летит, мрак, трубы, трубы, провода, тоннель обвит ими, как плющом. Станция, хлопают двери, следующая, осторожно, тронулись, провода, провода. Можно увидеть её опять. Но зачем?

Снова станция. На ней словно застрял. Люди медленно карабкаются по платформе, к вагонам бегут и забиваются внутрь разгорячённые и усталые, крепко принявшие работяги, запоздалые тётки с огромными сумками. Спирит вынесет эту тяжесть в груди. Он едет домой. Отчего же поезд стоит бесконечно долго? Ну, вот – осторожно, закрываются двери. Только домой! Зачем она ему?

Ноги хотят нести его к ней. Он не позволит, хотя привык доверять дорогу своим ногам. Ему душно. Что-то жалит и гадко посасывает в груди, где сердце. Глаза закрыты, но Спирит видит, мимо скользят, как ужи, трубы и провода.

Нет, нет, нет! Зачем она мне? Зачем она мне? Зачем она мне?!

Джек лежит и смотрит на дверь. Джек ждёт. Знает, осталось недолго. Джек спокоен, недвижим абсолютно, как камень.

Но – что это? что это? Джек вскакивает и скулит. Хозяин! Хозяин! Лапы сами семенят вдоль стен. Кресло, окно, тахта и вход в коридор. Джек крутится, кружится, как загнанный в угол. Он зажат, потерялся. Чтоб выбраться, Джек набирает скорость, когти дробью стучат по паркету. Скорее, скорее! Кресло, окно, тахта... снова кресло. Круг повторяет себя, Джек чует – ему не вырваться. Скулит сильнее. И – бросается к выходу. Рвёт зубами засов, тащит ручку назад. Как будто Хозяин пришёл. Или уходит от Джека.

Спирит решился в последний момент. Еле выскочил, ближайšie дверцы заели и поехали друг другу навстречу чуть позже других, Спирит оттолкнул их плечом. Когда поезд заскрежетал за спиной, ему привиделся Джек, бросающийся на двери вагона, чтобы открыть ему путь. И – Джек, оставленный позади и раздавленный небывало жёсткими створами. Сердце щемило и жгло.

Но необходимо было торопиться, иначе троллейбус мог

унести Аню от него навсегда. Спирит побежал.

Она стояла, вглядываясь вдаль. Покорно ждала. На Спирита перевела отуманенный взор. Не удивилась. Не испугалась. Лишь любопытство тонким краешком коснулось её глаз. Зачем?

– Ты нужна мне, – сказал Спирит.

Сердечко Анино дрогнуло. Будто вечность тосковало и ждало, чтобы так шевельнулись суховатые губы.

Они встречались почти каждый вечер, едва Запад мерк. Стремительная атака мрака натыкалась на ощетилившиеся электричеством бастионы города, захлебываясь на полпути к победе. Они так и не могли одолеть друг друга, город и ночь, и застывали, переплетая анфилады фонарей и крылатые конусы тени, черноту асфальта и мельтешенье фар, цветную мозаику окон и непроглядные провалы стен. Приводя в ужас маму, Аня уходила в эти часы из дому, чтобы разделить полночный досуг Спирита.

Спириту не было нужды заранее уславливаться о встречах. Стрелки, строго отсчитывающие секунды у Ани на руке, делались беспомощными, оставляя её в сомнениях. В Аниной голове никак не могло ложиться, Спирит отыщет её, какое бы время после заката, какое бы направление она ни избрала. Не думай обо мне, иди туда, куда тебе хочется,

тогда, когда тебе хочется, лишь бы солнце зашло, ты выйдешь на меня кратчайшей дорогой – учил он её. Выбежав на улицу, Аня начинала сомневаться, что так получится, и думала, сегодня уж точно они разминутся из-за этой проклятой неопределённости. Всякий раз они сталкивались для неё неожиданно.

Всякий раз он повторял ей, нет необходимости предупреждать, если её следующий вечер занят, беспокоиться, если не успела предупредить. Всякий раз на следующую ночь встречал её, как ни в чём ни бывало, с усмешкой – Аня легко научилась различать её по движениям уголков губ – выслушивал торопливые извинения.

Аня привыкала к этому быстро.

Надо сказать, она никогда не была в ладах с крошечными часами, что с утра и до вечера облегали её запястье. Она опаздывала и приходила не вовремя, но и успевая, встраиваясь в установленный часами ритм, она никогда не чувствовала себя вольготно, подгоняемая их неуклонным ходом. Никогда не была безмятежной, помня, стрелки бегут по кругам циферблатов.

Аня любила бродить, забыв направленья, но давно не решалась делать это в Москве. Подобные походы прежде приводили в тупик, к свалкам и высоким оградкам, к шоссе, лишённым тротуаров, запруженным машинами, изрыгающими смог.

В короткие минуты перед встречей со Спиритом, она на-

чала забывать о часах. Оставляла их дома. Мама смирилась и уже спокойно засыпала до её возвращения, Аня дремала днём, не важно – в своей постели или посреди гулких аудиторий. Уже не имело значения раньше или позже завершится их прогулка. Аня забывала о часах и направленьях. Ей было так привольно шагать, куда вздумается. Не беспокоясь ни о чём.

Ведь, куда бы Аня не шла, рано или поздно ей преграждал дорогу Спирит. Он бросал в воздух свое короткое, отрывистое приветствие. И повелительно протягивал руку. Цепким кошачьим движением. Плавным, у него не было начала и конца. Стремительным, тотчас Анина ладонь оказывалась в его руке. Аня подчинялась его жесту машинально, сама не успевая это заметить. Спирит поворачивался, они пускались в путь.

По улицам, брошенным людьми. По тёмным закоулкам и пустырям. По бликующим освещённым проспектам. Мимо громадин домов. Растворённых полутьмой, потерявших свой грубый контур, и оттого таинственных и величественных. Вдоль рядов фонарей со склоненными шеями. Вдоль зудящих едва – Аня слышала это впервые – вдоль зудящих едва проводов, протянувшихся сквозь город, опутав его, как паучьи сети.

Путь долгий. Бесконечный. Тягучий. Путь, который они проделывали, почти не расцепляя рук.

Почему, обнаружив это или вспомнив потом внезапно,

спрашивала у себя Аня. Не странно? При их без того странных отношениях? Не страшно? Не чересчур?

Что могло быть чересчур, после того, что она отправлялась с ним в эти странствия ночью. К концу их прогулок город был абсолютно безлюдным. Они шатались по таким местам, куда не заглядывала и шпана. Её спутник был молчалив, невидимой пропастью отделён от неё и от всего, что их окружало. Их сопровождал, держась, правда, в стороне, громадный и свирепый зверь, больше схожий с волком, чем с собакой. Он почти не приближался к ним, – или к ней? – но, завидев вдали людей, выбегал вперёд и рычал. Никто из редких полуночников не рисковал не уступить им дорогу. Что ещё могло быть чересчур? Рука Спирита так мягко вела её, всегда готова к поворотам, неожиданным сменам маршрута, оставляя уверенной в темноте, так часто служа опорой. Он подолгу не размыкал век, даже шагая по голому льду или ныряя в проулки, что Ане казалось порой, что он слеп. Что это она ведёт его. Держать её за руку было так естественно.

Но её продолжала беспокоить рука, вверенная Спириту. Она задумывала не отдавать её. Постепенно отучить его, не создавать привычки. Хотя бы единожды она, когда надо, вспомнила о своём решении. Спыхватываясь, почему-то не осмеливалась освободить свою ладошку. Потом злилась на себя на утро, в полусне догоняя убегающее от неё время.

Стоило ли делать из этого проблему? Больше он ни на что претендовал, быть может, пока. В принципе, Аня обычно и

не придавала колоссального значения таким вещам. Если человек не был ей неприятен. Спирит не был ей неприятен. Бывало, раздражало его немое высокомерие, пугали странность, даже вычурность манер – удивительные, будто неподвластные его воле движения, – и неизгладимая печать печали на лице. Но он не был ей неприятен. Отчего её продолжала тревожить отданная ему рука? Особенно в начале прогулок, когда городская жизнь ещё не замирала. Особенно, если они попадали под свет фонарей. Под свет фар – и он мучительно закрывал лицо.

Она боялась, что их увидят вместе? Да, изумляя Аню саму, к ней приходил этот страх.

Их могли увидеть вместе. Идущими – рука в руке – и через руки связанными неразрывно и прочно. Спирита. Болезненно иного. Невидящего. Отрешённого. Аню. Прикованную к нему, замороженную его движениями. Ведомую, словно кукла. К ним могли внезапно прикоснуться глазами, когда они попадали под лучи фонарей! Кто? Боялась Аня, что их увидит кто-нибудь из её знакомых? Или ей мнилось, что кто-то совсем незнакомый уже наблюдал подолгу за ними со стороны?

Нравится ли Вам, когда Вас коснутся глазами? Не просто коснутся слегка, тут же равнодушно устремившись мимо. Но застав Вас врасплох, когда Вы совсем не ждали, выхватят невольный жест, случайное движение, тень сомнения на лице, не предназначенную им улыбку, не рождённые слё-

зы. И, вдруг залучатся жадной радостью от своего прикосновения. Словно отняв у Вас то, что Вы никогда не доверили б другим.

Нравятся ли Вам чужие прикосновенья? Прикосновения к Вашей жизни. Невидимые или явные. Они были непереносимы для Ани. Иногда они чудились ей повсюду. Взгляды посторонних. Летящие к ней из темноты. Из пространств, засвеченных электричеством. Ей казалось, она вспоминает их, когда приходила домой. И раздевалась тихо, стараясь не разбудить маму. Ей казалось, она вспоминает их днём. Торопясь уложиться в установленный безжалостным бегом минут ритм. Пугала бы её рука, доверенная Спириту, если бы не воображаемые прикосновения чужих глаз? Или придуманные соглядатаи только сильнее напоминали о том, что некто, чуждый и мрачный, берёт её за руку и уводит за собой. Уводит, то восхищая, то будя любопытство, то вызывая смятение, почти страх, но не давая возможности освободиться.

Разве это было в самом деле так? Или начинало видеться так, когда она, укладываясь спать или неожиданно обратясь к себе посреди привычной суеты, вдруг сознавала, накануне ночью они вновь прошли пешком огромные расстояния, так мало говоря друг с другом, но почти не разводя рук. В усталости поздней ночи, в мучительных пробуждениях, в автоматизме привычной жизни она подолгу задумывалась. О том, что постепенно училась забывать напрочь на самих прогулках.

Её очаровывал путь. В холодном небе над Москвой она видела звёзды. Серебряные. Далёкие. Ночь за ночью любовалась Луной. Что пропадала, но в следующие вечера тонким месяцем возникала и постепенно росла. Восходила, оказывается, каждую ночь по-разному. Восходя, была светло-жёлтой. Оранжевой. Ярко красной, до дрожи волнующей Аню. В свете Луны обнажалась причудливая игра мгlistых туч. Медлительная, не то, что пляска снега в рупорах фонарей. В вихрении ветра.

Её спутник был молчалив, но Аня забывала спрашивать себя, зачем она бродит с ним так, что потом болят и немеют ноги. Его молчание не было тягостным. У неё появлялось чувство, что он говорит о многом.

В ночи огромного и уродливого города она видела то, что не замечала прежде. В гудении проводов ей слышалось то, что будто бы было ей ведомо, но было давно позабыто. Потому ли, что он это видел и слышал? Потому, что он умел непостижимым образом научить её этому? Или оттого, что рядом с его многоликим молчанием разрушалось то, что мешало видеть и слышать.

Аня привыкала молчать. Вопросы изредка слетали с её губ сами собой. И она узнавала. Что за звёзды горят над Москвой. Каковы незыблемые законы хода Луны. Как зовутся и чем различаются деревья, что ещё сохранились в городском чаду.

Он рассказывал отрывисто и глухо, словно не обращаясь

к ней. Но тут же разрешая малейший знак недоумения на её лице. Он сразу смолкал, когда кончались вопросы. Ане хотелось спросить гораздо больше. Как он находит её? Как сумел присниться ей? Что он делал ночью в кресле? Был ли это гипноз, тогда, почему она видела разные лица в его одном. Почему он называл себя Спирит, если не вызывал душ? Почему не любил настоящее имя?

Его прозвище смущало Аню. Казалось неуместным, натужным. Она выговаривала его с трудом. С запинкой произнесла его, удерживалась от попытки выведать что-то. Принималась рассказывать о своей жизни, что, пожалуй, ему не было интересно. Но он не возражал. По её словам угадывал недосказанное. То, что было Ане дорого. Или, что вызывало тревогу. Впрочем, она скорее выдумывала себе это, творя его чувства из ничего не выражающей немоты.

Вопросы удавались Ане непреднамеренно. Откуда ты знаешь это? Ты много читал?

– Я немало вынес из книг, но давно ничего не читаю. Я столько пережил в снах, они сделали для меня ясным то, что я видел наяву, но не сознавал.

Он сказал и осёкся. Но Аня разгадала, что стоит за словами. По ночам он сидит в кресле и видит сны. То, что называет снами. Сразу в этом уверилась. Без привычных сомнений.

Он сказал и умолк. Настороженно. Холодно. На его лице до того не бывало жёсткой маленькой складки. Между бровей.

Аня не пыталась расспрашивать. Не задавала вопросов. Всё больше увлекаясь ими сама. Подавляя их рядом с ним, временами изнемогала от нетерпенья узнать.

И однажды заметила – он тоже. Он тоже переполнен её любопытством. Ему с каждой новой встречей труднее молчать.

Тогда Аня решилась, произнесла это вслух.

Почему он называл себя Спирит? Что такое его сны?

Одной ночи ему не хватило для ответа.

О снах рассказать невозможно. Не существует слов, чтобы рассказать о них. Ничто в Мире, который известен Ане, на них не похоже, любое сравнение исказит их.

К тому же Спирит и сам не знает в точности, что такое его видения.

Часто ли он видит их? Когда? Как? Всегда ли он их видел?

Нет, только вторую половину своей жизни.

В первой ничего не отличало его от других. От других детей.

Почти ничего. Он был скорее послушным и тихим, чем сорванцом. Был немного рассеян, любил читать о приключениях и играть в них. Одно странное свойство у него было.

Он вдруг замирал. От всего отрешаясь. Не думая. Не видя и не слыша. Практически не замечая этих мгновений. Зная

о них только по удивлению или насмешкам приятелей. Не придавая им никакого значения.

Он осознал это свойство в себе гораздо позднее, внезапно припомнив, когда через открывшуюся дверь услышал, как мама впервые – печально, вполголоса – говорила о нём врачам.

В первой половине жизни он ведал лишь то, о чём и другие говорят – мне снилось.

Невиданный сон пришёл к Спириту в тринадцать лет. Он был змеёй. Об этом догадался только потом. Тогда – шевельнулся, вздрогнул – где-то в черноте, внутри себя, в безграничном и одновременно узком пространстве. И пополз вперед, под яркими лучами, с наслаждением собирая и раскручивая кольца своих мышц. По живой, дышащей земле, от живота к спине Спирита бежали её дрожь и трепет. Почва чуть колебалась под ним, как редкие, невысокие волны колышутся на спокойном море, и в такт едва ходило вниз-вверх его тело. Дрожь и трепет земли переполняли Спирита, по ним он безошибочно знал, что движется на её поверхности вокруг. Он был полон биенья Земли, полон биенья своего тела, полон гула внутри, полон тепла. Его пекло сверху чистыми, горячими лучами, теплом наполнялся гравий под ним. Наполнялся на разных отрезках пути по-разному, под ним была идеальная карта с границами тепла и прохлады, суши и влаги. По ней так легко было искать дорогу к радости пожара мускул. Избегая холода теней и холода глади гальки.

Стремясь вперёд всем гибким и скользким телом. Мимо с двух сторон, безбрежно и безразмерно простираясь вдаль, проплывали серость трав и чернота камней. Над ним всё было полно света. И всё вокруг было с ним единым – и лучи, и трава, и камни, и биенье Земли, что сливалось с биением его тела. И он чувствовал пронзительно остро, каждую деталь до тончайших нюансов и всё – одновременно и слитно. В нём не было мыслей – как рассказать о блаженстве полной, абсолютной свободы от всяких мыслей. Как рассказать о неразрывной цельности всех чувств, стремлений, действий. Скручиваясь и бросаясь вперёд, он втянулся в реальность, в вязкую духоту постели, к узкой полосе света из-под кромки двери, приглушённым голосам радио.

Впрочем, разве было это реально, разве не были тринадцать лет, прожитые до этой ночи, призраком, тенью, отголоском, сном. В них никогда не было ничего настоящего, в них настоящее нельзя было даже вообразить. Может быть, в тот момент мальчишка, пробудившийся от диковинного сна, ещё не думал так, нет, но желание продолжать, погружаться в это видение ещё, дальше, не открывать глаз, не подниматься, не идти к завтраку, школе, учителям, друзьям, урокам, играм, книгам было самым сильным и самым невыполнимым в его жизни.

Но пришлось снова ходить в школу. Писать диктанты. Решать задачи. Зевать и мечтать. Выслушивать грозные нравоучения учителей. Переговариваться вполголоса за партой.

Давясь, хихикать. Носиться на переменах.

Дома смотреть телевизор. Читать. О приключениях. Порой готовиться к страшной контрольной. Выбираться с друзьями в кино. Стараясь попасть на фильмы, которые запрещались детям до шестнадцати. Долго шататься по серым улицам.

Это была его жизнь. Нельзя сказать, что он не любил её. Просто не знал никакой другой. Порой, что-то совсем непохожее он выносил из книг. Но это было лишь в книгах. Ему уже было известно – это не на самом деле. Нельзя сказать, что он тосковал и терзался в том, что его окружало, так стало намного позже, но ему не хватало... чего-то. Чего, он не понимал. Этот сон, в сущности такой короткий, всего лишь сон, нечто, о чём трудно в точности сказать, что это действительно было, пробудил в нём странную жажду. Тягу к тому, что не было ведомо, что невозможно было понять, что, сомнительно, существовало ли впрямь или только казалось.

Станный сон не был похож ни на один из виденных прежде. Да, как обычно, он спал сперва глубоко, беспробудно, потом стал змеёй, потом также нечаянно очнулся в постели утром. Но в обычных снах – эфемерных, расплывчатых, тех, по которым плутали неясные мысли, в которые вторгалось дневное существование, в них не было ничего общего с полнотой чувств, с непередаваемой живостью, подлинностью всех ощущений, которые он испытал. Правда, ничего похожего не случалось с ним и вне сна.

Что это было? Тогда этот вопрос даже не возник в его голове. Скорее, вспоминая, он думал – а было ли? – ведь длилось всего минуты, не более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.